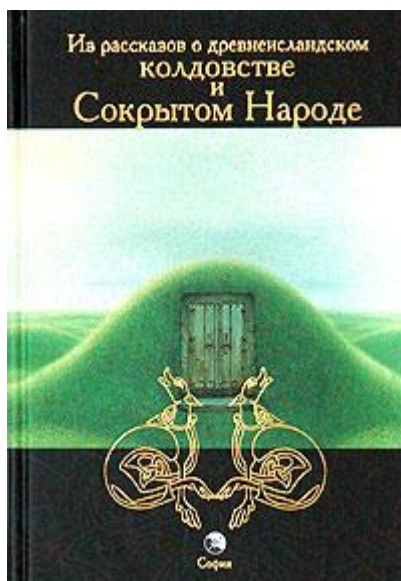

Платов Антон – Дивный народ

Содержание:

- * Древние законы Норвегии о колдовстве
- * Карта Исландии с указанием мест, упомянутых в рассказах
- * Краткая библиография

(Предисловие редактора)

Это было не так уж давно для тех, кто умеет
помнить, и не так уж далеко для тех, кто не боится
дороги...

Дж. Р. Р. Толкиен,
Кузнец из Большого Вуттона

Их называли по-разному. Дивные, Древние, Старшие, Высокие; эльфы, альвы, аульвы, эльбы; фай, фай-ри; сиды или ши; Жители Холмов или, наконец, просто Те. Настоящие старые имена ныне почти позабылись, практически повсюду вытесненные английским elf и французским faerie. Да и те имена, что употреблялись раньше, вряд ли были истинными — уже хотя бы потому, что были придуманы самими людьми: в Шотландии их называли Daoine Sitbe, «Дивный Народ», в Уэльсе — Tylfyt Teg, «Дивные Роды», в Ирландии — Huldu, Huldu Folk, «Древний Народ»...

Представления об эльфах — прием здесь для краткости именно это имя — представления об эльфах были в Европе весьма «живучи» вопреки и христианизации, и шагавшему семимильными шагами прогрессу. В британской глубинке, например, об эльфах говорили ещё в конце XIX — начале XX века:

Что-что? Рассказать вам об эльфах? Ну, эльфы, они разные бывают. Уж я не знаю, как где, а у нас в Сассексе старые эльфы — те, что жили в лесах и под землёй, — ушли давным-давно. Говорят, что они любили селиться на старых руинах. У нас в Сассексе эти эльфы жили когда-то на развалинах замка Барлоу — это возле Арлингтона. Сейчас от самого замка почти ничего не осталось — только обломки стен кое-где, — зато в то время, когда в каждой стране был свой король, это было очень известное и знаменитое место. Но чем бы ни было оно прежде, лет сто тому назад никто из местных жителей не решался подойти близко к развалинам после того, как стемнеет, — боялись эльфов.

А ещё говорят, что раньше в полночь накануне летнего солнцестояния можно было увидеть танцующих эльфов на вершинах Табберри Хилл и Тиссбери; там тоже давным-давно стояли крепости. А на одном из старых могильников как-то раз видели даже эльфийское похоронное шествие...

Да что говорить, давно это было! Вот я уже совсем старик, а когда я ещё был совсем мальчонкой, тогдашние старики рассказывали, что этим эльфам совсем не нравится, как меняется в Англии жизнь, а уж новые манеры людей их просто возмущают. Уже в те времена их оставалось всё меньше и меньше, и последним их приютом — последним в Сассексе, а, может, и во всей Англии! — был Харроу Хилл. Харроу Хил — это большой холм возле Патчинга, где есть старые кремневые шахты и где когда-то тоже была крепость. Может, эльфы жили бы там и до сих пор, да только как-то приехали учёные люди — археологи — и стали раскапывать Харроу Хилл. Этих-то никакие эльфы не интересовали; они смеялись, когда мы говорили им о Волшебном Народе... Ну, тогда и эти последние эльфы обиделись насмерть и ушли навсегда...

Одна старушка как-то говорила мне, что это от эльфийских танцев остаются в траве волшебные кольца — ну, знаете, такие круги из примятой травы. И что, если девять раз обойти такое кольцо в первую ночь новой луны, то можно услышать из-под земли их музыку, прекраснее которой не бывает. Да что толку — тех-то эльфов уже нет здесь...¹

Материалов, связанных с эльфами, — если понимать под этим термином Дивный Народ вообще, а не узко «сверхъестественных существ англосаксонского и немецкого фольклора», — великое множество: это и тексты европейских легенд и преданий, и описания в хрониках, и фольклорные свидетельства последних столетий, и многое другое. И всё-таки знакомство с Дивным Народом лучше всё-таки начинать с волшебных сказок, хранящих самый дух древней связанной с эльфами традиции.

* * *

При всём огромном многообразии связанных с эльфами сказочных сюжетов, некоторые из них встречаются так часто, и у самых разных народов имеют столько общего, что вполне могут претендовать на то, чтобы считаться классикой сказок о Дивном Народе. Возможно, одни из самых распространённых таких сюжетов — те, которые позволили некогда к ряду имён — Дивные, Древние, Высокие — добавить ещё одно: Справедливые.

В Ирландии эту сказку рассказывают об эльфах древнего Нокграфтонского Холма². Будто бы жил некогда в долине Эхерлоу бедный горбун по прозвищу Лисий Хвост, добрый и работающий, но столь страшный из-за своего горба, что люди его сторонились. Однажды довелось ему возвращаться из городка Кахир, где он продавал сплетённые собственными руками корзины, и ночь застала его у подножия Холма Нокграфтона...

Он устал и измучился, а тащиться надо было ещё очень далеко, всю бы ночь пришлось шагать, — просто в отчаянье можно было прийти от одной мысли об этом. Вот он и присел у холма отдохнуть и с грустью взглянул на луну.

Вскоре до его слуха донеслись нестройные звуки какой-то дикой мелодии. Коротышка Лисий Хвост прислушался и подумал, что никогда прежде не доводилось ему слышать столь восхитительной музыки. Она звучала как хор из нескольких голосов, причём один голос так странно сливался с другим, что казалось, будто поёт всего один голос, и однако же все голоса тянули разные звуки...³

Доносящееся из Холма прекрасное пение так захватило горбуна, что он и сам не заметил, как стал тихонечко подпевать и даже добавил в эльфийскую — а это были эльфы, конечно, — песню несколько своих собственных слов.

---

¹ А.Платов. Эльфы в Сассексе // Мифы и магия индоевропейцев, вып. 7, 1998. См. также: J. Simpson, *folklore of Sussex*. L, 1973.

² «Нокграфтонская легенда». См., напр., в изд.: Сказки Британских островов, в 2 т. Т. 1. М, 1992.

³ Пер. Н.Шерешевской; здесь и далее цит. по указ. изд.

Вдруг всё закружилось перед лицом Лисьего Хвоста, и вот он уже стоит в прекрасной пиршественной зале внутри Холма, а окружившие его эльфы говорят ему о том, что редко какому смертному удавалось так красиво подхватить эльфийское пение. Но вот расступились эльфы, и большая процессия вышла вперёд. Величественная Повелительница, шествовавшая во главе процессии, подошла к коротышке-горбуну и произнесла слова заклатья:

*Лисий Хвост! Лисий Хвост! Слово твоё — к слову,
Песня твоя — к месту, И сам ты — ко двору.
Гляди на себя, ликуя, а не скорбя:
Был горб, и не стало горб.⁴*

И едва отзвучали слова, как Лисий Хвост почувствовал, что страшный его горб исчезает с его спины. И потом...

...всё с большим удивлением и восхищением стал он снова и снова разглядывать все предметы вокруг себя, и раз от разу они казались ему прекраснее и прекраснее; от этого великолепия голова у него пошла кругом, в глазах потемнело, и, наконец, он впал в глубокий сон, а когда проснулся, давно уже настал день, ярко светило солнце, и ласково пели птицы. Он увидел, что лежит у подножия Нокграфтонского Холма, а вокруг мирно пасутся коровы и овцы.

Лисий Хвост вернулся в свой городок, и все очень дивились тому, что горб его совсем исчез, а сам он стал ладным таким крепышом.

Спустя сколько-то времени пришла к Лисьему Хвосту некая старушка из далёкой деревни и рассказала, что у сына её соседки большой страшный горб и что он, прослышав о чуде, приключившемся с Лисьим Хвостом, хочет и сам попробовать избавиться от горба таким же манером.

Лисий Хвост, как уже говорилось, был человек добрый и, не скрывая ничего, рассказал всю свою историю старушке. Та вернулась домой, и слово в слово пересказала всё сыну своей соседки — горбуну по имени Джек Мэдден. Не долго думая, тот собрался в путь и однажды к ночи — при помощи матери и той её соседки, что ходила к Лисьему Хвосту, — добрался к подножию Холма Нокграфтона.

И когда тьма окончательно сокрыла Холм, из недр его донеслось прекраснейшее пение, Джеку оно, правда, прекрасным не показалось — он был слишком занят мечтами о том, что вот сейчас явятся эльфы, и станут его благодарить, и снимут с него до смерти надоевший горб. Не думая ни о ритме, ни о мелодии, ни о красоте песни, Джек Мэдден принялся подтягивать.

И не успели первые слова сорваться с его губ, как некая сила подняла его в воздух, и он очутился в прекрасной зале внутри Холма. Казалось, всё было так же, как с Лисьим Хвостом, только вот эльфы почему-то выглядели разгневанными. И один из них приблизился к Джеку и произнёс заклатье:

*Джек Мэдден! Джек Мэдден!
Слово твоё — не ново,
Речи — песне перечат,
И сам ты — некстати.
Был ты бедный, стал богатый,
Был горбат, стал дважды горбатый.*

И едва отзвучали слова, как вдвое увеличился горб бедного Джека. И вслед за тем всё закружилось у него перед глазами, а когда он очнулся, было уже утро, и он лежал у подножия Холма Нокграфтона.

Джек Мэдден не выдержал тяжести двойного горба и очень скоро умер...

---

⁴ Здесь и ниже стихи, сопровождающие данную сказку в ирландском её варианте, приводятся в переводе Р.Кушнирова.

...Сказка, как явление культуры, всегда диалектична — особенно, когда речь идёт о таких сложных предметах, как волшебство или жизнь Дивного Народа. Вот ещё одна европейская сказка — на сей раз валлийская — одна из тех, благодаря которым эльфов во многих областях Европы называли Коварным, или Хитрым Народцем. В британских фольклорных сборниках эта сказка называется «Тафи ап Шон и волшебный круг».⁵

Давным-давно люди Тылвит Тэг, Дивного Народа, любили собираться на зелёных кругах⁶ для того, чтобы всю ночь напролёт петь и танцевать. Если кому-либо из людей доводилось попадать на такие круги во время этих вечеринок, они оставались там, ни о чём не подозревая, целую вечность, заслушавшись волшебной музыкой. Когда-то таких кругов было много в лощине рядом с Пенкадэром в Кармартенишире.

В те самые давние времена жил один парень, Тафи ап Шон, сын сапожника. Частенько пас он своих овец в этой лощине, и вот однажды летней ночью, когда он уже собирался гнать их домой, на камне, что был неподалёку, неожиданно появился маленький человечек в гитанах из лишайника и со скрипкой под мышкой. Он пробежался пальцами по струнам своего инструмента, и Тафи замер от изумления — такой музыки он ещё никогда не слышал.

— Ты любишь танцевать, Тафи, — сказал человечек после того, как они любезно поприветствовали друг друга, — и если ты немного здесь задержишься, то увидишь один из лучших танцев во всём Уэльсе. Ведь я музыкант.

— Где же твоя арфа? — спросил Тафи. — Валлиец не может танцевать без арфы.

— Вот, посмотри, — ответил человечек, — На моей скрипке я могу сыграть для танца кое-что получше.

— Этот деревянный половник со струнами, что ты держишь в руках, называется скрипкой? — спросил Тафи, никогда раньше в жизни не видевший подобного инструмента.

И лишь тут он заметил, что со всех уголков горы через сгущающиеся сумерки к месту, где они стояли, направляются прекрасные феи и эльфы. И вот маленький менестрель провёл смычком по струнам своего инструмента, и вновь полилась такая волшебная музыка, что Тафи застыл, прикованный к месту. Под звуки завораживающей мелодии люди Тылвит Тэг разбились на отдельные группы и начали петь и танцевать.

Изю всех танцев, что когда-либо Тафи приходилось видеть, ни один бы не сравнился с тем, что он увидел тогда. И, конечно, Тафи не удержался, и сам включился в танец. Тотчас же эльфы окружили его, и танец их стал таким неистовым, что Тафи уже не мог различать танцующие фигуры. Они кружились вокруг него с такой быстротой, что походили на огненный круг.

А Тафи всё продолжал танцевать. Он не мог остановиться, эльфийская скрипка была ему явно не по силам, но волшебный скрипач играл всё быстрее и быстрее, и Тафи, несмотря ни на что, оставался внутри сумасшедшего хоровода.

Но через какое-то время, — через несколько минут, как ему показалось, — ему удалось выбраться из заколдованного круга. И всё сразу исчезло.

И Тафи отправился домой, но окрестности, такие знакомые прежде, показались ему очень странными. Появились дома и дороги, которых он прежде никогда не видел, а на месте скромной хижины его отца стоял красивый каменный фермерский дом. А вместо бесплодной каменистой земли, к которой он привык с детства, его окружали возделанные поля.

— Да, — подумалось ему, — Это какие-то колдовские шутки, чтобы обмануть мои глаза. Не прошло и десяти минут, как я оказался в том кругу, а сейчас, когда я выбрался оттуда, они построили моему отцу новый дом! Надеюсь, по крайней мере, что он настоящий; во всяком, случае пойду и погляжу.

---

⁵ Русский перевод приводится по изданию: Волшебные сказки и предания кельтов. Кн.1: Сказания Красного Дракона. Под ред. А.В.Платова. М., 1996. Пер. вып. по изд.: Folk-Tales of the British Isles. M., 1987. Оригинальное издание см.: W. Sikes. British Goblins'. Welsh Folk-Lore, Fairy Mythology, Legend and Traditions. Boston, 1881. Также: E.S. Hartiend. Dafydd William Dafydd and the Fairies // Folk-Lore Journal, vol. I, 1888.

⁶ Речь идёт о волшебных кругах, выложенных камнями или вытоптаных в траве. В Британии такие круги издревле связывались с Волшебным Народом.

Но он — увы! — не нашёл в том доме ни отца, ни кого-либо из своих родных. Хуже того, фермер — хозяин дома — уверял его, что дом этот построил ещё его прадед... Фермер сжался над несчастным сумасшедшим, утверждавшим, что ещё вчера здесь стоял дом его отца, и пригласил его к себе на кухню, чтобы тот смог поесть и отдохнуть.

Он сделал Тафи знак, чтобы тот следовал за ним, и направился в дом. Но шаги позади него становились всё тише и тише, и он обернулся и похолодел от ужаса. Прямо у него на глазах несчастный Тафи быстро сохся, а потом рассыпался и превратился в горсть золы...

Испуганный фермер побежал к жившей неподалёку ветхой старушке, и когда он рассказал ей обо всём, что случилось, старушка вспомнила, что её дед рассказывал ей о том, как бесследно пропал сын сапожника, жившего когда-то очень давно на том месте, где ныне стоит дом фермера...

Конечно, две сказки, процитированные выше, не могут отразить всё многообразие европейских представлений о Дивном Народе. И дело не только в бесконечном почти многообразии сказочных сюжетов, но и в том, что сумма традиционных европейских представлений о Дивном Народе далеко не исчерпывается сказочным материалом. Более того, сказки — в определённом смысле — вторичны, по крайней мере, по отношению к преданиям о реальных встречах с эльфами.

Конечно, — не будем уходить от трудного вопроса, — конечно, зафиксированные в последние два столетия описания встреч с представителями Дивного Народа вряд ли могут быть приняты как стопроцентные свидетельства с точки зрения современной науки. Возможно, здесь мы сталкиваемся с ситуацией, подобной ситуации с сообщениями о наблюдениях НЛО, из которых нынешние уфологи⁷ выбрасывают «в корзину» 85-90% как ненадёжные или заведомо фальсифицированные. Но это, в конечном итоге, не важно. Дело совсем не в этом. Старому Волшебству нет дела до наших, человеческих мерок лжи и истины, а значит, соотношение между ними не важно и для нас.

...Здесь и сейчас нам действительно нет смысла анализировать накопленный за последние полтора тысячелетия корпус сообщений и рассказов о встречах с эльфами на предмет истинности — тем более, что к настоящему моменту опубликовано уже немало исследований, чьи авторы занимались этим вопросом гораздо более планомерно и последовательно.⁸

Послушаем, как описывал эльфов в начале нашего столетия в Ирландии один из тех, кому довелось свести с ними знакомство (из записей Эванса-Венца⁹):

Это самые замечательные люди, которых я когда-либо видел. Они превосходят нас во всём... Среди них нет рабочих, а только военные-аристократы, благородные и знатные... Это народ, отличающийся и от нас, и от бесплотных существ. Их возможности потрясающи... Их взгляд обладает такой силой, что они, я думаю, могут видеть даже сквозь землю. Они обладают серебристым голосом, их говор сладок и быстр...

Они много путешествуют и, похожие на людей, могут, повстречаться в толпе... Умных молодых людей, которые представляют для них интерес, они уводят к себе...

Довольно часто предания, сообщения о реальных случаях оказываются своего рода параллелями к повествованиям сказочным. Так, например, рассказ о трагической истории, произошедшей в окрестностях Нита (Уэльс), записанный примерно в 1825 году, действительно очень напоминает сказку о Тафи и Волшебном Круге¹⁰:

Рис и Алуэллин служили у фермера. Однажды ночью они возвращались домой, и Рис попросил своего друга остановиться и прислушаться — звучала какая-то музыка. Алуэллин

⁷ Уфология — наука о НЛО (от англ. UFO — Undefined Flying Object).

⁸ См., напр., классический фундаментальный труд Эванса-Венца (W.Y. Evans-Wentz. The Fairy Faith in Celtic Countries. Oxford, 1911.) или полную настоящих, искренних прозрений и открытий работу Жака Валле, переведенную на русский язык: Ж.Валле. Параллельный мир. М., 1995.

⁹ W.Y. Evans-Wentz. Op. cit.

¹⁰ Цит. по: Ж.Валле. Параллельный мир. М., 1995.

ничего не услышал, а Рис пустился в пляс... Он уговорил Алуэллина идти вперёд с лошадьми, пообещав вскоре догнать его. Однако Алуэллин так в одиночку и добрался до дому. На следующий день его обвинили в убийстве Риса и посадили в тюрьму. Но один «опытный в делах эльфов» фермер догадался, что же произошло на самом деле. Собрались несколько человек — среди них и рассказчик этой истории — и отправились вместе с Алуэллином на то место, где, по словам обвиняемого, исчез его спутник. Внезапно Алуэллин закричал: «Тише! Я слышу музыку, я слышу мелодичные арфы!»

Все прислушались, но никто ничего не услышал. Одна нога Алуэллина стояла на внешнем краю «вошебного кольца». Он предложил рассказчику поставить свою ногу на его, и тогда тот тоже услышал звуки арф и увидел маленьких человечков, танцевавших в кругу около шести метров в поперечнике. Затем каждый из пришедших проделал то же самое и тоже смог всё это наблюдать. Среди танцевавших маленьких эльфов оказался и Рис. Алуэллин поймал Риса за одежду, когда тот оказался поблизости, и вытолкнул его за пределы круга. Рис тотчас спросил: «А где же лошади?» — а затем попросил разрешения закончить танец, который, как ему казалось, не продолжался и пяти минут. И никто не мог убедить его в том, что прошло уже так много времени. После этого происшествия Рис стал печальным, заболел и вскоре умер...

Любопытно, что не так уж редко описания встреч с Дивным Народом оказываются связанными с некими совершенно реальными предметами — подаренными эльфами или украденными у них. Классический пример истории последнего рода — случай с драгоценной чашей, долгое время хранившейся в сокровищницах королей Шотландии и Англии. История эта была записана британским хронистом XII века Вильямом Ньюбриджским; позднее она приводится в *Guilielmi Neubrigensis Historia, sive Chronica Rerum Anglicarum* — труде Томаса Кейтли. Рассказ Вильяма Ньюбриджского цитируется и в известном сборнике К.М.Бриггс¹¹. Приведём его и мы.

В провинции Дейри¹², не так далеко от места, где я родился, случилась чудесная вещь, о которой я знал, ещё будучи мальчиком. В нескольких милях от Побережья Восточного моря есть небольшой городок [...] Некий крестьянин из этого городка отправился однажды навестить друга, жившего неподалёку. И вот, будучи немного навеселе, он возвращался домой, — а было уже довольно поздно, — как вдруг из могильного кургана, возвышавшегося чуть в стороне от дороги, не дальше, чем в четверти мили от города, — из этого кургана он вдруг услышал голоса поющих людей и звуки весёлого пира. Он удивился, недоумевая, кто бы это мог в таком месте нарушить тишину мёртвой ночи своим весельем, и решил выяснить это, подойдя поближе, увидев открытую дверь на склоне кургана, он поднялся к ней и заглянул внутрь; и там он увидел огромные светлые покои, полные людей — и мужчин, и женщин, — которые возлежали на торжественном пиру. Один из пирующих заметил крестьянина в дверях и поднёс ему чашу. Он принял чашу, но пить не стал; а, потихоньку вылив содержимое, прибрал её к рукам и сам незаметно улизнул. Великое смятение началось, когда пирующие заметили, что незваный гость унёс чашу; все бросились догонять его, но крестьянин-таки сумел скрыться и вернулся в город со своей добычей.

В конце концов эта чаша из неизвестного материала, необычного цвета и странной формы, была преподнесена Генриху Старшему, королю Англии, как очень ценный дар; затем она была подарена брату его королевы, Аавиду, королю Шотландии, и некоторое время хранилась в шотландской сокровищнице. А несколько лет назад, как я слышал от одного очень известного и благородного человека, король шотландский Вильям подарил чашу Генриху II¹³, когда тому захотелось на неё взглянуть...

* * *

---

¹¹ К.М. Briggs. A Dictionary of British Folktales. L., 1971.

¹² Дейри — в современном графстве Йоркшир.

¹³ Генрих II — король Англии с 1133 по 1189 гг.

Кто же такие эльфы, Дивные? Было бы очень сложно — да, вероятно, и не нужно — обсуждать здесь и сейчас вопрос об их «реальности». Гораздо интереснее другое — как они воспринимались изнутри древней европейской Традиции.

Совсем поздние представления об эльфах как о маленьких прелестных существах с крылышками, порхающих с цветочка на цветочек, можно даже не рассматривать — это в чистом виде плод литературной фантазии Нового Времени¹⁴. Не выдерживают критики — с точки зрения Традиции — и позднесредневековые трактаты о магии, в которых эльфы описываются как стихийные духи воздуха, в одном ряду с саламандрами (огонь), ундинами (вода) и гномами (земля), — не существует ни одного древнего германского или кельтского источника, в котором эльфы рассматривались бы с этой точки зрения.

Зато в древних текстах (например, в английском «Беовульфе») есть указания — пусть краткие, в одну фразу — на то, что люди и эльфы происходят от одного корня. Это позволяет нам взглянуть на проблему совсем с другой стороны, — назовём её, условно, «метаисторической».

Наиболее интересна в этом отношении ирландская традиция, имеющая, пожалуй, самый обширный корпус «метаисторических» текстов, связанных с Дивным Народом. В «Книге Захватов Ирландии»¹⁵, одном из важнейших ирландских мифологических текстов, рассказывается о нескольких «волнах» заселения острова, сменявших одна другую. К одной из последних «волн» принадлежали те, кто нас интересуют — Племена Богини Дану, которых позднее ирландцы назовут сидами и будут относить к Дивному Народу. А к самой последней «волне» ирландская традиция относит «Сыновей Миля» — предков современных ирландцев.

Конечно, «Книга Захватов» посвящена только ирландской мифологической истории, однако, подобные представления о том, что Дивные являются представителями некоей более древней, чем наша, расы, можно, вероятно, встретить в любой, или почти любой, европейской традиции. Но — Вернёмся к Ирландии.

Вероятно, некоторое время люди и сиды жили бок о бок, — о том, что они находились некогда в достаточно тесном контакте, свидетельствует целый ряд древних текстов. Однако очень скоро что-то стало меняться, и вот тогда, — я повторяюсь, мы следуем логике «метаистории», истории мифологической, — и вот тогда возник феномен волшебных холмов, который позднее повсеместно связывался с Дивным Народом. Дивные стали скрываться в холмах, и именно тогда, вероятно, обрели новое имя — Сокрытый Народ. Тенденция к расхождению двух рас усиливалась, и немалую роль в этом сыграло принятие людьми христианства. Целый ряд древнеирландских текстов повествует о том, как после крещения Ирландии св.Патриком стали опустевать волшебные холмы. Так, в списке XVII века сохранилась до нашего времени печальная «Повесть о судьбе детей Лера», рассказывающая о том, как вернувшиеся после долгой отлучки дети одного из правителей Дивных находят в родном холме лишь запустение. Дивные уходят в Волшебную Страну, быть может, возвращаясь туда, откуда некогда пришли...

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Без сомнения, исландский язык входит в разряд наиболее сложных языков мира. (И, увы, в разряд наименее изученных и оформленных.) Кроме того, это единственный сохранившийся до наших дней практически без изменений живой язык, на котором говорили древние германцы больше тысячи лет назад. (Так, современный исландец без труда мог бы общаться с викингем VIII-XI вв.)

При переводе с исландского приходится преодолевать барьеры в виде специфических терминов описывающих исключительно исландские реалии. Практически вся топонимика Исландии переводима и склоняема. В этом переводе использованы её формы в именительном падеже. Кроме того, параллельно даны, по возможности, все оригинальные формы исландской

¹⁴ Подробнее об этом см.: J.R.R.Tolkien. On fairy Stories. In: Tree and leaf. L, 1964.

¹⁵ См., напр.: Предания и мифы средневековой Ирландии. Пер. С.Шкунаева. М., 1992.

топонимики встречающейся в самих переводах.¹⁶ Это сделано для облегчения дальнейшей работы читателя с другими источниками. (К примеру, гораздо легче на стандартной карте найти столицу Исландии «Рейкья-вик», чем её перевод «Бухта Дымов». См.: М. Стеблин-Каменский, Исландские саги, БВЛ, М., 1973.) Более того, в других языках не существует столько оттенков слов «холм», «гора», «скала» и т.д., которые весьма распространены в исландской топонимике.

При простой фонетической передаче исландских географических названий корневые составляющие разделены дефисом (т.е. Рейнис-скала «Рябиновая-скала», Хельга-фелль-свэйт «Святой-горы-область», Пюрк-ей «Свиной-остров», Лаке-ар-даль «Лососьей-реки-долина» и т.д.).¹⁷

До недавних времён не существовало единой фонетической системы для передачи на бумаге звуков исландской речи и, как следствие, на сей день существует не больше 3-4 словарей, где дано произношение исландских слов. Одна из причин этого то, что даже в самой Исландии, несмотря на её скромные размеры, да и население которой в среднем не превышало 200 тысяч, одно и то же слово различно звучит в Западной, Южной, Северной и Восточной её Четвертях. (Например, сочетание гласных hv- на западе и севере Исландии звучит как kv-, однако на юге и востоке эти два звука строго различают дабы не путать слова типа hveit «котёл»/«гейзер» и lever «книжица», hvölum «киты» и kvölum «пытки». Таким образом, этот звук напоминает русское хв- или немецкое ach + w.) К счастью, в русской орфографии возможно передать частый в исландском «о умляют» (o = ai) как ё. Но, к сожалению, нет способа различать еѡ — еѢ (звучит как в английском these) и þorn (þurs) — þ (звучит как в английском theme). Посему в этом переводе дан, так сказать, «усреднённый» вариант исландской фонетики. Так Guðmundur — это Гвюдмунд, а не «Гвюзм'ундр» (? ?), но и не Гудмунд. Далее, в тексте употреблены традиционные в литературе формы таких слов как «тролль», «эльф» и т.д. В переводе Л.Горлиной и О.Вронской — это «трётль» и «аульв»¹⁸, а А.Корсун использует в своём переводе «Старшей Эдды» усреднённый вариант «альвы».

Этимологически слово «эльф» прямой родственник исландскому аульв(р): древневерхненемецкое Alp-, Alf-, Alb-; средневерхненемецкое alp, alb, мн.ч. élbe, elber; англосаксонское ælf, мн.ч. ylfe; древне (северное)-исландское álf, мн.ч. álfar, среднеанглийское alfe, elfe, elf, мн.ч. alven, elven; современное английское elf, мн.ч. elves и т.д. Так же термин «эльфа» встречающийся в данном переводе — это «девушка/-женщина эльфо-народа». Он возник из древневерхненемецких форм (муж.р.) Alb, (жен.р.) Alba, шведских (муж.р.) alf, (жен.р.) álfa¹⁹.

Имя оксфордского профессора Толкина со ссылками на его работы постоянно встречается в примечаниях, т.к. его работы содержат в наиболее сжатой форме (как нигде в другом месте) результаты долгих исследований посвящённых Сокрытому (эльфийскому) Народу и магии, хотя и встречаются в его работах не всегда в принятом научном оформлении.

Довольно примечательно то обстоятельство, что до сих пор в Исландии большая часть населения верит в существование Сокрытого Народа (т.е. эльфов), и в одной из теорий о его происхождении автор-исландец называет эльфов нашим старшим родом. Ту же самую идею можно обнаружить в работах профессора Толкина и в англо-кельтских мифологиях.

¹⁶ См. также карту и приложение в конце книги.

¹⁷ В современной англоязычной литературе принято, по возможности, переводить вторую часть исландского географического названия, используя похожие по форме и смыслу слова: Tþorsk-fjord для исландск. Þorska-fjörður, Sunnu-dale — Sunnu-dalur, Hrafnkeh-stead — Hrafnkels- stápir, Sanda-fett — Sand-fell, Brekki-land — Brekku-land и т.д.

¹⁸ См. Скандинавские сказки. С. 235-315.

¹⁹ УЛ.Горлиной и О.Вронской это «аульв» (муж.р.) и «аульва» (жен.р.). (См. также: М.Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV, с. 518.)

В заключение мне бы хотелось поблагодарить за неоценимую помощь, оказанную мне при создании этой книги, Эйнара Гюннара Пьетурссона (Doktor phil., Stofnun Arna Magnussonar a Hslandi, Haskyli Hsland), А.Смита (Berkeley University, USA), Хельге К.Фаускангера (Universitetet i Bergen, Norway), Межбиблиотечный фонд Бостонской Публичной Библиотеки, Ю.Семёнову (Москва), Т.В.Кораблёву (Москва), и, особенно, С.Братуся (Northeastern University, USA) и Я.И.Кораблёву (Бостон-Москва).

Часть первая

"...во время поездки в лесу король Дании повстречал эльфов..."

Наш старший род (Об эльфах)

[И молвила эльфийская владычица Галадриэль:]

"...Однако если вы преуспеете — наша сила уменьшится, красота Лотлориэна потускнеет и безжалостное время сотрёт его с лица земли. И нам придётся удалиться на крайний Запад; или же остаться и превратиться в простоватый народ — обитателей долин и пещер, чтобы медленно забывать своё прошлое и самим стать наконец забытыми во всепоглощающей круговерти Нового Мира."

Дж. Толкин "Властелин Колец", том 1.

"...В некоторых историях они сами [т.е. эльфы] действительно интересны. Большинство коротких фольклорных историй о таких происшествиях [как встречи людей с эльфами] имеют в народной традиции значение лишь небольших обрывков "свидетельств" о Сокрытом Народе, разноцветных кусочков мозаики из векового панно Таинства относительно их самих и образа их существования."

Дж. Толкин "О волшебных историях" (примечание Ф)

Содержание:

- * Горное озеро эльфов /Djupatjorn/
- * Поздний визит эльфы /Alfkona leggst medh mennskum manni/
- * Юная эльфа по имени Има /Ima alfa-stulka/
- * Внеурочный переезд эльфов /Flutningurinn/
- * Случай с женщиной с Брэйда-форда /Konan a Breidha-vadhi/
- * История о бедной девушке и Сокрытом Народе, живущим неподалёку от Йокулс-а /Huldu-folk-idh i alfa-borg-ini hja Joekuls-a/
- * Скалистый Замок Грима /Grijmsborg/
- * Сонные чары львовинга /Ljuflings-mal/

ГОРНОЕ ОЗЕРО ЭЛЬФОВ / DJUPATJORN /

(свидетельство это записал преподобный Йоун Тордарсон из Ёдкула)

В горном местечке под названием Скёрд, что прямо между Скага-фьордом и округом Хуна-ватн, расположился хутор "Навесный Холм". Неподальёку от него есть дивное озеро Дьюпа-тьорн, в отражающих днём и ночью ледники бездонных водах которого истари водилась самая разнообразная форель. Однако, когда бы работники с "Навесного Холма" ни опускали сети в это озеро — неизменно, на следующее утро обнаруживали они их высоко на берегу либо совершенно запутанными в единый клубок, или же немилосердно разорванными в клочья. И чем чаще опускали сети — более находили их по утру в таком плачевном виде.

Однажды, под конец лета, косили уже в течении нескольких дней местные жители траву на горе поблизости с Дьюпа-тьорном. И вот, просыпается как-то на рассвете девушка из числа косцов и выходит из своей палатки. Видит она вдруг пять каких-то лодок на позолоченной восточным солнцем поверхности озера. Сидело по двое неизвестных в каждой, за исключением последней, в которой помещались трое, и была эта лодка самая большая.

Незнакомцы слажено тянули невод и был тот тяжёл от обильного улова. Догадалась тогда девушка, что рыбаки эти, наверное, из Сокрытого Народа, и долго и пристально смотрела она на таинственные лодки и эльфов в них. Но стоило ей лишь на миг отвлечься и бросить взгляд в сторону — пропали они совершенно и, как обычно, только прохладный утренний бриз перебирал водами озера, да взошедшее солнце возвещало о продолжении монотонного бремени сенокоса.

Краткое примечание.

В Исландии люди верят, что эльфы очень хорошие рыбаки и мореходы. Благодаря своим "сокрытым" знаниям они намного превосходят в этих ремёслах обычных смертных. К примеру, ещё в самом начале дня узнают они о приближении шторма, хотя безмятежный рассвет казалось бы предвещает чудесную погоду до сумерек. Рыбачат они в озёрах и на море. Часто люди слышат всплеск вёсел на воде и чужую речь, но не видят никого; иной раз раздаётся скрежет по гальке словно вытягивают лодку на сушу; и даже наблюдали некоторые их мореходные суда под парусом на волнах или скользящие по воде лодки. Однако стоит таким свидетелям только лишь на мгновение бросить взгляд в сторону — тут же всё виденье исчезает. Когда люди слышат эльфийскую речь на берегах горных озёр рано по весне — предвещает это хорошие уловы. Часто, также, видны полосы недвижной воды на озёрной глади, хотя всё вокруг них покрыто рябью; верят тогда люди, что это следы эльфийских лодок отправляющихся на рыбный промысел.

История сия (со смертной девушкой, ранним утром и эльфийскими лодками) конечно, лишь слабый отголосок толкиновского стихотворения "Последний корабль."

ПОЗДНИЙ ВИЗИТ ЭЛЬФЫ / ALFKONA LEGGST MEDH MENNSKUM MANNI /

(из собрания свидетельств об истинности существования Сокрытого Народа, а то есть из "Книги о встречах людей с эльфами", составленной Олавом Свейнссоном с острова Пюрк-ей)

Одного человека звали Арни. Он был бондом²⁰ на хуторе Ботни в горной области Хельга-фелль-свэйт. Личность выдающаяся и, по мнению людей, не только многознающий²¹, но и вдобавок, как говаривали, был на короткой ноге даже с эльфами. (И то ни странно, ведь известно, что от занятий чародейством²² до общения с ними рукой подать)

---

²⁰ исландск. bóndi "свободный землевладелец, фермер, не плативший никому никаких налогов (до того времени, пока Исландия не попала под норвежско-датское владычество)".

²¹ т.е. знахарь, ворожей (исландск. marg-fróðhur).

²² Разумеется, только белое чародейство могло прийти от (или привести к) эльфам. И хотя известны случаи, когда эльфы (или их потомки "полу-эльфы") пользовались для своих целей иногда вредоносной магией — колдовством, никогда чёрные искусства не связывали с Сокрытым Народом. Лишь некоторые смертные, получив доступ к тайным эльфийским знаниям, умудрялись обращать часть из них во зло. См. примечание к этому свидетельству ниже, и примечания к "Юной эльфе по имени Има", "Случаю с женщиной с Брэйда-форда" и "Скалистому Замку Грима".

Как-то летом завёл Арни моду спать не в общем доме, но в одной из боковых пристроек с отдельным входом со двора. (Так впрочем водилось тогда со многими бондами в Исландии.) Возьми да и случись тем же летом в то время, когда не было его на хуторе и не ждали его раньше чем на следующий день, что приходят туда к вечеру путники и просят приютить их на ночь. В те времена о гостиницах или постоялых дворах ещё и не слыхивали, а потому не принято было отказывать в гостеприимстве и ночлеге каким бы то ни было незнакомцам — так впустили этих путников внутрь без придинок. Их предводителя разместили в пристройке, где ночевал обычно Арни, и отдали в его распоряжение стоящую там постель.

Когда всё стихло и никого уж не было рядом, разделся странный человек и улёгся в кровать. Тут неожиданно входит некая молодлица к нему в пристройку и, решив, что это должно быть Арни на своём обычном месте, поднимает одеяло и ложится с ним рядом. Впрочем тотчас вскакивает она в изумлении и со вскриком: "Ах! Так это вовсе не Арни мой тут!", — выбегает опрометью сквозь закрытую дверь, равно как и вошла она до того. Странник не обмолвился с ней ни словом.

— Обладала она мягкой плотью и не дух была, — рассказывал на следующее утро людям сей непрощенный свидетель, — и должна быть, по всему, одной из Сокрытого Народа. (Говорили, что можно ему верить, ибо никогда не произносил он пустых слов или лжи.)

Краткое примечание.

В этом рассказе присутствуют две основные идеи связанные с "исландскими" эльфами. Первая идея о прямой взаимосвязи магов с эльфами (и даже о происхождении людей-многознающих от одного из родителей из Сокрытого Народа, и так чародейской их силы). Этому очень много примеров. Самый древний — в "Саге о Хрольве Жердинке и его дружинниках" (записана около 1400 года), где рассказывается о колдунье Скюльд, дочери датского конунга и некой эльфы.

Также со времён принятия христианства одни люди считали эльфов произошедшими от Адама и, следовательно, просто сокрытыми смертными, другие же полагали их духами изгнанными из рая, но недостаточно провинившимися для того, чтобы быть низвергнутыми в ад. В "Позднем визите эльфы" (как и в нескольких других рассказах) очевидно, что эльфы и не духи (буквально "мягкие на ощупь"; их можно убить камнями; они проливают кровь; имеют общих со смертными, детей и т.д.); и в то же самое время они и не люди из плоти, так как например способны проходить сквозь закрытые двери. Раннейшее упоминание последнего есть уже в "Norna-gests þáttur" (Пряжи о Норна-госте), саге 14 века, в которой: "и кажется ночью конунгу — то ли эльф, то ли дух входит в дом, хотя и заперты были двери все... а после исчез он тем же путём через замкнутую дверь". И несмотря на то, что до недавнего времени ангелам (и духам) смертные мыслители пытались придать хоть какую-то материальность (парообразную, эфирную или огненную), и с этой позиции можно было бы попробовать объяснить также и эльфов (объявив их просто духами); всё же, к примеру, "Новая католическая энциклопедия" (одно из самых авторитетных изданий по подобным вопросам), утверждает что: "по своей природе ангелы состоят полностью из духа, и ни в коей мере не из какой бы то ни было материи — ни даже из утончённо эфирной, огненной или парообразной", и поэтому очевидно, что здесь мы имеем дело с, так сказать, "полуматериальностью", в согласии с идеями профессора Толкина о том, что даже невидимые и отчасти развоплощённые эльфы однако ж имеют телесную оболочку (представляющую сейчас глазам смертного весьма тускло и прерывисто), хотя бы и казались иным безо всякой плоти.

ЮНАЯ ЭЛЬФА ПО ИМЕНИ ИМА / IMA ALFA-STULKA /

(из рукописи Йоуна Сигурдассона со Ньёрдова залива, область Мюли, восток Исландии)

Сына Гвюдмунда звали Йоун и жил он на мысу Беру-нес что в Рейда-фьорде, во времена правления той областью Йоуном Торлакссоном. О самом сыне Гвюдмунда ходит невообразимое количество странных историй — рассказывают, например, что был он

необычайно сведущ во многих вещах и занимался к тому ж ворожбой и колдовством. (Что само по себе всё же не было редкостью в те дни.) Ничего не известно ни о его предках, не о потомках²³. Йоун вырос в Беру-нес'е и, когда достаточно повзрослел, доверили ему пасти скот.

Говорят, что однажды был он с отарой в начале узкой долины на холме, который прямёхонько над его хутором. Является ему тут некая юная дева и заводит игривую беседу. Он спрашивает как её имя. Она отвечает "Има", и далее утверждает, что отец её и мать владеют целым имением "вон там, где стоит холм." Она была необыкновенно мила с Йоуном и неожиданно подробно поведала ему обо всех делах в доме своего отца. Между прочим обмолвилась она и о том, что отец её владеет книгой, которая полна всякого рода сокрытых знаний и что многое можно узнать из неё, и непременно тот сделается "крафта-скальдом"²⁴, кто получит возможность её прочитать, и ничто не сможет заставить его в расплах.

— Не можешь ли ты добыть для меня эту таинственную книгу? — тотчас спрашивает Йоун. — Очень хочется мне узнать что-нибудь из того.

— Ах! Это почти невозможно, — вздыхает Има, — ибо отец бережёт её как зеницу ока.

Но всё-таки Йоун был чрезвычайно настойчив и всеми правдами и неправдами понуждал проговорившуюся девушку достать ему чудную книгу, хотя бы на самое короткое время, для чтения.

— Ну чтож, будь по твоему, — соглашается она наконец, — ведь готова я на любое, лишь бы заслужить твою любовь. Рискну я заполучить этот фолиант для тебя. Но учти! Если только отец мой узнает об этом, не жить мне с того мгновенья ни минуты.

После, пробыла она подле Йоуна до вечера, до тех пор, пока не погнал он отару назад.

На следующий день приходит она с книгой и была та воистину удивительна. По мнению людей знающих, происходила она из того редкого рода эльфийских книг, прочесть которые могли лишь люди обладающие даром духовиденья²⁵, для всех же прочих её пергаментные страницы навсегда оставались девственно чисты, будь то при ярком свете солнца, трепетном пламени свечи или лунном сиянии.

Просила Има Йоуна быть верным своему слову и условилась с ним, что вернётся за отцовской книгой в конце двухнедельного срока. Йоун обещал это с готовностью и всячески оказывал ей знаки внимания, и вообще вёл себя с ней весьма и весьма благосклонно.

И вот, приходит Има в назначенное время и просит отдать ей книгу, повторяя опять, что жизнь не только её, но и его окажется под угрозой, если вдруг всё откроется. Однако Йоун покачал головой и говорит, что мол ему никак теперь не обойтись без этой чудной книги, а значит никогда он с ней не расстанется. Дрожа, обвила руками Има его шею и зарыдала.

— Заклинаю! Не предавай моего к тебе доверия! — умоляет она.

Но Йоун на это и бровью не повёл.

— Не помогут тут тебе ни слёзы, ни мольба, — равнодушно замечает он, — ибо всё равно не намерен я оставаться без сокрытой в книге премудрости.

Замолчала Има. Поднимает затем она заплаканное лицо и сверкнув вдруг очами говорит:

— Скверно поступаешь ты сейчас, Смертный! Ведь жизнь моя отныне на волоске!... И всё ж, не в силах я воздать тебе по делам твоим. Увы! Не преодолеть мне своего чувства!

Так оставила она его печальна и гневлива. И с тех пор зовут Имы-долом то место где свиделись они дважды.

---

²³ "Ничего не известно ни о его предках, ни о потомках..." — в соответствии с исландской традицией это обычно означало, что человек имеет необычное (дурное) происхождение. Так, например, Йоун Гвюдмундссон Учёный утверждает в своей поэтической автобиографии "Fjölmoðir", что его отца извёл в 1600 году некий Бард, который неизвестно откуда появился у них по соседству, и никто не знал родословную этого Барда. Йоун оскорбительно называет Барда "отпрыском злых берсерков".

²⁴ Исландск. *krapta-skáld* — "поэт, способный силой чар своих магических песен получать власть над духами, людьми и т.д." Здесь же стоит упомянуть также об особой способности "крафта-скальдов" (да и исландских ведунов вообще) предчувствовать (или предвидеть) планируемое на них нападение. (См. "Сагу о Ньяле", "Сагу о людях из Озёрной Долины", "Сагу о Хёрде и островитянах", "Сагу об оркнейских ярлах".)

²⁵ Или ясновидения. По исландским понятиям *skyggnir menn*, т.е. "люди со "вторым" зрением способны видеть духов, Сокрытый Народ, также всё, что находится внутри скал или земли и т.д." Профессор Толкин упоминает это как "дар эльфо-виденья."

Через некоторое время после всех этих событий, а точнее зимой, не задолго до Рождества, снится Йону будто бы одной ночью является ему незнакомец, приветствует его и говорит, что пришёл затем, чтобы предупредить о нависшей опасности.

— Советовал бы я тебе на Рождественскую ночь повнимательнее последить за имовой книгой, да и за своей головой в придачу, — молвил он, — ведь открылась сейчас правда и пробил час возмездия. Отец Имы твёрдо решил покарать тебя. Нас будет четверо: хозяин с хозяйкой, Има и твой покорный слуга. Предостерегаю я тебя об этом потому только, что самая жизнь не мила больше мне. Был я тоже когда-то рождён смертным, да попал против желания к этим эльфам²⁶ ...Итак, слушай! Ближе к полуночи навестим мы твой хутор. Ты должен сидеть на возвышении в главной комнате и иметь острый тесак под рукой. Как только ты услышишь лёгкое прикосновение к двери — действуй быстро: беги в проход и убей первого, кого ты там увидишь, а затем всех остальных. Я постараюсь устроить сутолоку и встать перед тобой так, чтобы большинство их ударов досталось мне. Уверен я — выйдешь ты победителем из этой схватки. Выживу и я. Но весь израненный. Так помни и о том, чтоб поскорее избавить меня от мучений от ран — не хочу я жить боле. Когда ты убьёшь непрошенных гостей, выволоки всех долой с хутора, затем сожги их тела. И не забудь! Успей закончить до рассвета.

Сказавши это исчез незнакомец, а Йоун проснулся.

На Рождественскую ночь ушёл весь народ в церковь, Йоун же остался дома один. Затем произошло всё именно так, как предсказал ему незнакомец из сна. Йоун вспоминает эти события в драматическом вступлении к одной из своих баллад, где утверждает он:

То ведомо было Создателю, что в тяжкой беде я был,
в тот миг, когда четверо, кознями,
коварные, нечистыми, нелюди
осилить меня удумали.

Постскриптум переводчика:

Чудная эта эльфийская книга, разумеется, осталась у Йоуна, откуда он и почерпнул видимо большую часть своей мудрости. Куда она задевалась после его смерти?

Наверное, её можно было обнаружить среди прочих магических сборников, рукописей по ворожбе и ветхих фолиантов полных чар в книгохранилище какого-нибудь монастыря, церкви или на крупном хуторе. И наверняка, там позже, увы (как было довольно часто в те времена), произошёл пожар, так что и десятой доли не дошло до нас из того, что хранилось в его коллекциях.

Или же, что ещё печальнее, книга эта так или иначе попала в руки какого-нибудь обыкновенного человека и тот, не ломая (понапрасну) головы, почему мол она, хоть и полноценно-оформленная снаружи, лишена по странности главной своей части — содержания, либо написал поверх "эльфо-рун" на чистых, как ему казалось, пергаментных страницах её что-то своё, либо же употребил в хозяйство: обернуть что-нибудь полезное, а то из суеверного страха и вовсе сжёг.

Однако впрочем, до сих пор, исландские мудрецы нет-нет да и найдут какую-нибудь неучтённую рукопись. Вот и "Сага о Хрольве Жердинке и его дружинниках" тому пример...

Краткое примечание.

В этом рассказе упоминаются таинственные книги эльфов. Как пишет о том Йоун Гвюдмундссон Учёный: "Люди с даром духовиденья свидетельствуют, что внутри

---

²⁶ Несколько непонятно о чём идёт здесь речь. Совсем необязательно, что человек этот был "похищен" эльфами. По древней традиции об эльфах, многие смертные пали жертвами собственного любопытства, норовя непрошенными оказаться в их мире. Лишь немногие были отпущены обратно с наказом никогда не рассказывать о виденном. Всё ж любопытство это неистребимо — отсюда развитие, к примеру, в средневековой Исландии (а вернее в 16-17 вв.) целой "науки" (с магическими инструментами, ритуалами и заклинаниями) о том, как оказаться в жилищах Сокрытого Народа и не остаться там дольше, чем сам того желаешь. См. также примечание к свидетельству "История о бедной девушке и Сокрытом Народе..."

оформление их подобно старым рукописям ирвов (т.е. ирландцев), только с золотыми буквицами; и всё там изумительных цветов, с изящной вязью и орнаментами внутри и снаружи нарисованными" ("Tidfordrif"). То же вторит ему шотландский священник Роберт Кирк в 1691 году, замечая что "[эльфы] имеют много прекрасных и забавных книг: одни странной, почти "наркотической" натуры, другие же головокружного содержания, подобного стилю розенкрейцеров." "К тому же, — добавляет Кирк, — женщины эльфо-народа шьют, ткнут и вышивают необычайно изящно, и есть ли продукт (их действий) результат работы с земными материалами, или же это неосязаемое сплетение радуг, и просто фантастическая имитация обычных плодов долгих стараний смертных вышивальщиц — для понимания того недостаточно всех наших способов и чувств". (Как тут не вспомнить эльфийскую вышивальщицу Фириэль и её фантастические гобелены из "Сильмариллиона" Толкина!)

Опять же от эльфов, приходит людям "сокрытая" мудрость и, увы, некоторые умудряются извращать её и использовать во зло.

Совершенно очевидно, что эльфы не души умерших людей (как некоторые пытаются утверждать) — Йоун из рассказа "Юная эльфа по имени Има, " чтобы полностью завладеть имовой книгой должен всех их убить ножом. Как также и смертный его предупредивший, не живёт в мире мёртвых и чтобы умереть должен быть также зарезан. К тому ж, сравни предыдущее примечание о "полуматериальности" эльфов. Известны в древней традиции случаи, когда эльфийских дев, так сказать, обращали в смертных. Что также отражено в работах Толкина, например, в легенде о Лютиэн.

О похищенном смертном. Обычно людям нравится жить среди эльфов даже в нынешнем их положении. Сравни рассказ "О бедной девушке и Сокрытом Народе, живущем неподалёку от Йокулс-а." Опять же очевидно, что эльфы не мёртвые, так как люди могут присоединяться к ним (в их мире) будучи сами живы (т.е. эльфо-мир это не "загробный мир"). О том говорится ещё и в книге шотландского священника Пэтрика Грэхэма). На Фарерских островах считают, что пропавшие там в горах без вести люди, избрали по своей воле присоединиться к Сокрытому Народу.

Если человек не духовидец и не имеет даже малого дара чтоб увидеть неожиданно, хотя бы мельком, Сокрытый Народ, обычно, если то нужно, эльфы являются к таким избранным во сне, т.е. смертный может спать и видеть как бы в своём сновидении стоящего на самом деле рядом с ним эльфа или элфу. Для обозначения этого также существует специальный исландский термин leið-sla "ведомый во сне (видении) созданном чужой волей".

ВНЕУРОЧНЫЙ ПЕРЕЕЗД ЭЛЬФОВ / FLUTNINGURINN /

(свидетельство с восточной стороны долины Мир-даль)

В конце 18 столетия жил на хуторе Хвамм в долине Мир-даль бонд по имени Йоун. Ко времени, когда произошли события описанные в этом рассказе, успел он уже обзавестись многочисленным потомством и был стар; рядом с ним тогда из его семьи оставались только жена и один из сыновей.

К северо-востоку от йоунова Хутора-на-Хвамме простирается длинное и глубокое ущелье, которое так и зовётся Хваммов Перевал, и к востоку, там же рядом, угнездились два хутора известных как Гётур; прямо над ними навис скальный выступ имя которому среди простых людей было Гётова Бровь.

Однажды осенью, в хорошую погоду, когда опустился на землю вечер и работники на хуторе Йоуна собирались ложиться спать, стоял он сам в дверях отдельной (от главного здания) пристройки. Приходит к нему жена и напоминает что пришло время для сна. Но, к её удивлению, он почти не обращает внимания на её слова (только пробормотал что-то невнятное и даже головы не повернул в её сторону), однако ж неотрывно глядит на восток, ни то на Гётур, ни то на какое-то место с ним поблизости.

Так в конце концов улеглись все спать, но Йоун словно прирос к земле и продолжал стоять и смотреть там же, в дверях, где ранее застала его жена. И ночь плавно отсчитывала свои часы до рассвета.

На следующее утро поведал Йоун, что в тот самый миг, когда он уж было собрался, как обычно на покой, случилось ему вдруг взглянуть на восток на Гётур; видит он тогда, что спускаются в сумерках вниз с Гётовой Брови двое незнакомцев и кажется словно трепещет между ними какое-то светлое пятно, наверно, фонарь. Одежда их почти полностью сливалась со скалами в бархатной синеве надвигающейся ночи. Они направились вглубь Хваммова Перевала.

Дальше замечает он, что сразу вслед за ними появляется на Гётовой Брови ещё народ и ещё, и сначала движется небольшими группами, но всё время увеличивается в числе; идут уже лица и мужского и женского пола, кто-то из них ведёт за руки детей, другие же влекнут и несут поклажу: большие и малые узлы и, наконец, ясно ему, что это движутся уже все мыслимые виды обычного при переездах домового имущества и, в заключении, даже скот. Всё это бредёт тем же путём, каким направились первая парочка. У некоторых из следовавших за ними, видимо, тоже в руках были какие-то светильники и факела.

Думается Йоуну — творится в ночи нечто диковинное и загадочное одновременно, поэтому выждал он, пока либо большая часть переезжающего народа (или же все они) не ушли. И зиму воспоследовавшую за этой осенью долго будут помнить люди в Исландии, ибо выдалась она обильной на необычайно лютые морозы, частые метели и, временами, жизнь на хуторах замирала из-за плотного и отвратительного месива из дождя со снегом, пресекающего любую деятельность вне крова совершенно. Всё это принесено было с юго-запада.

Довольно часто видели и раньше подобные внеурочные переезды Эльфов²⁷, однако никогда такое огромное стечение Сокрытого Народа сразу и в одном месте.

Позже, весной, Йоун (да и другие бонды), засвидетельствовали возвращение сходной процессии тем же путём. Это дало повод некоторым предположить, что переезжающие в ночи предвидели заранее свирепую зиму и переехали поэтому, возможно, из Рейнис-скалы на северо-восток в уже упомянутый Хваммов Перевал и, пожалуй, что нашли там себе прибежище в скалах. Но наверняка известно лишь то, что Эльфы всё-таки действительно переезжали тогда (и в том месте), чему есть несколько свидетелей, хотя бы даже ни один из них и не мог с уверенностью утверждать с чем была связана вся эта преждевременная активность.

Краткое примечание.

В "Íslenzkar Þjóð-sögur" встречается ещё несколько описаний переездов эльфов, но в обычное для них время — под Новый год. (Люди же в Исландии всегда переезжают в начале мая, и это называется "летняя смена жилья".) Одна из первых подобных эльфийских процессий (конная) упоминается в "Guðmundar saga goða" (записана ок. 13 века): "То была Чудная Зима ибо много странных вещей произошло тогда; два солнца были в небе одновременно и люди видели как эльфы и другой дивный народ проезжали вместе во множестве в Скага-фьорде". Также, возможно, нечто подобное имелось в виду и в "Þiðrandi þattr" из сборника sag "Flat-eyjar-bók".

Здесь можно слегка коснуться вопроса почему же эльфов вдруг стали представлять "маленькими и крылатенькими" в средневековой Европе. Внешне отличие эльфов от людей осмысливалось по-разному и часто довольно противоречиво. Какие они на самом деле? Как дать понять читателю, слушателю, зрителю помимо обычного прямого утверждения, что перед тобою находится эльф? Обычно, имея дело со "сверхестественными существами", легче всего было просто уменьшить, к примеру, людей (и получились карлики-гномы: *dvergar*), а из увеличенных людей возникли гиганты (тролли, турсы и тд.). Но эльфы? Как тут было поступить древним мыслителям, которые сами никогда их не видели, да и не понимали (часто) хорошенько о ком идёт речь. Одни тогда просто выбрали способ уменьшить (правда тут неясно стало, какая разница между эльфами и гномами — добавили первым крылья, уподобив их бабочкам. Но кельты, всё ж, в исключение, сначала увеличили в росте; вспомним Племена богини Дану).

---

²⁷ В Исландии верят, что обычно Эльфы переезжают на "зимние квартиры" под Новый год.

В более поздние времена, в той же Исландии, некоторые, за неимением "личных знакомств", пытались отличить эльфов если не ростом (больше или меньше обычного людского), то хотя бы такими мелочами как отсутствие носового хряща между ноздрями или выемки между носом и верхней губой. Однако ж основными (по рассказам настоящих свидетелей) были почти всегда для эльфов эпитеты væn "на лицо прекрасные", fríðr "красивые", undarlegur "дивные, странные, чудесные" и тд. Профессор Толкин в своих книгах описывал эльфов всегда высокого роста, наделяет их слегка заострёнными ("листо-очерченными") ушами, необычайно сияющими глазами и тд.

СЛУЧАЙ С ЖЕНЩИНОЙ С БРЭЙДА-ФОРДА

/ KONAN A BREIDNA-VADNI /

(свидетельство присланное Сайбьёрном Эгильссоном из Клипстада)

У Брейда-форда в округе Эйдар жила некая женщина. И вот однажды, поздним вечером, выходит она из дому и любуется лунным светом в котором причудливо исказились знакомые очертания холмов и гор и словно вырезанные из густого мрака тени их всем своим сонмом распластались ниц пред ледяным ликом, пронзительного в ночном небе, ясного своего Повелителя.

Тут видит она, появляются, откуда ни возьмись, две фигуры каких-то незнакомцев и быстро приближаются к её хутору. Один из них, вдруг на ходу резко вскидывает правую руку и указывает на неё пальцем. Немедленно нестерпимая боль пронзила её левый глаз настолько, что непроизвольно закрыла она его ладонью, а когда взглянула опять на то место, где были незнакомцы — не видит она там никого.

Возвращается затем эта женщина в дом. И когда очутилась она с холодка улицы в душном тепле спальни комнаты, боль настолько усилилась, что не смогла она забыться сном ни на минуту в течении всей долгой ночи. К утру же глаз совсем потемнел и распух.

Отправляется она к преподобному Гриму, ибо Эйдар был его приходом и, с трудом добравшись до него, жалуется ему на свой необычный недуг. Говорит, что видела двоих из Сокрытого Народа посредством больного глаза. Тогда отвёл Грим её в церковь, освятил вино для причастий и окропил им поражённое место. Тотчас точно выдернули тупую иглу из онемевшего глаза женщины, опухоль пропала совершенно и никогда более боль не возвращалась.

Краткое примечание

С приходом христианства в Исландию эльфов стали там делить на "язычников" и "христиан", т.е. злых к людям и добрых. (И в 16-17 вв. даже разгорались ожесточённые споры о истинной природе и происхождении эльфов в свете христианских доктрин; смотри например рукописи Йоуна Гвюдмундссона Учёного, трактаты против него Г.Эйнарссона "Hugrás" , А.Магнуссона "Gensvar" и статью обо всех них Эйнара Г.Пьетурссона "Huldukonur trúðu a Trójumanna sögu"). Но, надо думать, отличие это существовало уже гораздо раньше. Одни эльфы были в союзе с богами Света — асами, — "alfar" (позже Ljós-alfar , буквально "Светлые эльфы" или "Эльфы Света"), другие же заодно с двергами-гномами, немёртвыми и прочими из свиты тьмы, — Dökk-álfar "Тёмные эльфы". Всё это имеет широкое отражение в кельто-германской культуре, особенно у англосаксов. Толкин также разделяет эльфов (в его книгах Quendi) на светлых и тёмных "Cala-quendi" и "Mori-quendi".

Здесь уместно напомнить эпизод из его книги "Хоббит", где непрощенные гости пытаются присоединиться к ночному пиршеству у костров лесных эльфов, но последние, оскорблённые внезапным вторжением чужаков, мгновенно расшвыривают свои костры и запорашивают им глаза пеплом, золой и маленькими угольями. И долго неудачливые самозванцы блуждают в темноте.

ИСТОРИЯ О БЕДНОЙ ДЕВУШКЕ И СОКРЫТОМ НАРОДЕ, ЖИВУЩЕМ НЕПОДАЛЁКУ ОТ ЙОКУЛС-А

У реки Йокулс-а в окрестностях Борга-фьорда хозяйствовал на тамошнем хуторе один бонд. Как-то осенью прислали к нему на содержание бедную девочку-подростка, и в течении трёх лет находилась она в его доме среди домочадцев, терпела со стороны хозяина всяческое притеснение: приходилось ей вечно выполнять не по годам тяжёлую работу и притом постоянно жить впроголодь.

Как-то под Новый год, когда пошёл уж четвёртый год её пребывания там, собралась семья бонда со слугами в церковь до утра, но ей приказывает хозяин вновь изрядно потрудиться, да позаботиться об овцах вечером. И опять не оставил он ей никакой еды.

И вот, выгнала она отару на скалистое плато, которое находится поблизости с их Хутором-на-Йокулс-а, а сама возвращается за сеном на двор. Тем временем поднимается ветер и его усиливающийся в ущельях вой отзывается смутной тревогой в сердце бедной девушки. Заторопилась она тогда загнать овец обратно. Но по дороге к выгону, уже почти миновав небольшое подмёрзшее болотце, что соседствовало со скалою, в которой как полагали люди жил Сокрытый Народ, встречает она вдруг высокого незнакомца. Тот не советует ей идти дальше, так как вот-вот разразится нешуточный буран и предлагает ей укрытие на время опасности. Послушалась она встречного и отправилась с ним прямо в эльфо-скалу. Попавши внутрь видит она там очень опрятное жилище, но не замечает больше никого, за исключением старой женщины, которая сидела на помосте в дальнем углу большого зала.

При виде замёрзшей и голодной девушки, спустилась та вниз со своего помоста и куда-то ушла. Незнакомец же усадил страдальцу за стол и, чуть погодя, вернулась старая женщина неся в руках тарелку с горячим жаренным мясом и маленькую деревянную чашку наполненную до краёв овсянкой. Перекрестилась сначала наша знакомая, а затем принялась за еду. По окончании сей, как показалось ей, сказочно богатой трапезы, собрала старая женщина посуду с остатками и говорит укоризненным тоном:

— Вовсе не обязательно было крестить и еду, несчастное дитя.²⁸

Там, в тепле, провела девушка эту ночь. А снаружи до рассвета яростный ветер мчал и кружил снежными клубами и нескончаемый, на все лады, унылый его свист пронзительным эхом разносился среди обледелых скал и холмов.

На следующее утро, вернувшись из церкви, отправился бонд с Хутора-на-Йокулс-а искать своих овец. Обнаруживает он их среди гор жалобно блеющих и в весьма плачевном состоянии. А под конец того же дня возвращается наша знакомая обратно на хутор и как только завидел её бонд — стал чёрен как грозовая туча и принялся честить и её саму и всю её родню; и в наказание опять не велел он давать ей в тот вечер еды. Да и потом редко когда эта девушка получала там что-нибудь съестное. Однако, несмотря на такое обращение, начала она всё же прибавлять в весе и хорошеть. И никто не мог дознаться причины того.

Однажды заявился к ней в овчарню бонд и застал её с жирным бараньим боком в руках. Разошёлся тогда хозяин не на шутку и сорвал на ней свой гнев; назвал её под конец даже воровкой. Тут в начале лета и исчезла она внезапно. Собрал местный священник всех прихожан и долго искали они пропавшую, но так и не нашли ни малейшего следа её.

Много позже, рассказывала одна женщина, что в бытность свою в местечке Бакки гостила она четыре раза в эльфо-скале там, затем, что принимала роды у пропавшей, и была та весьма довольна своею жизнью среди эльфо-народа.

Краткое примечание.

Наиболее нерешённым вопросом при описании эльфов в современных условиях является месторасположение их жилищ. Если раньше они все обитали в своём собственном мире Álf-

---

²⁸ Непонятное место (возможно неточность рассказчика?), так как традиционно помогают людям добрые (светлые) эльфы, не имеющие повода не любить христианство и христиан. Или же этот поступок девушки, совершённый из предосторожности (она видимо перекрестила еду?) показался оскорбительным старой женщине, что мол гостя считает еду и самих угощающих нечистыми?

heimar (Эльфо-мире), в отдалении от людей (см. "Старшую и Младшую Эдды"), то теперь большинство рассказчиков и исследователей пытается определить их в холмы, скалы или подальше, с глаз долой, прямиком под землю. Однако если пристальнее присмотреться к старым рассказам и вспомнить, что в камнях-то обычно жили карлики-гномы (dvergjar), а вовсе не высокие эльфы, сразу же обнаруживаешь и здесь не такое единодушие, как ошибочно кажется сначала. Во-первых, в части свидетельств говорится о том, что Сокрытый Народ, в соответствии со своим именем, живёт всё-таки на скрытых (невидимых глазу простого смертного) хуторах или даже в замках. (W. Craigie "The elves' house", J. Arnason "Kötludraumur"). Или же, что эльфо-дома лишь кажутся человеку скалами и горами, тогда как духовидцы в состоянии распознать эти жилища ("Þorður a Þrasta-stöðum", "Sýslu-manns-kona-n á Bustar-felli"), да и сами, к примеру, повозки эльфов, на которых они переезжают, могут представлять глазам смертных камнями (см. "Flutningur álfa & helgihald").

Существует даже целая наука как непрошеному попасть к эльфам (откуда специальный исландский термин "hól-gaungur" "хождение к эльфам"). Основной инструмент при этом — магический жезл sproti (сделанный из тонкой китовой кости, окованной наполовину, за недостатком золота, медью). Если им ударить по скале (там где духовидцы видят на самом деле двери, вместо горной породы) и громко произнести некую чародейскую формулу — незамедлительно будешь ты впущен внутрь и т.д. (Чем не источник для сцены у врат Мориа, где Гэндальф ударяя своим жезлом по дверям в скалах, повелительно говорил: edro! и т.д.? См. Дж.Толкин "Властелин Колец".) Также сохранились в рукописях два исландских магических знака (galdra-stafir) "Гапальдр" и "Гиннфакси", которые, если написанные вместе в одну строку, помогают "входить в холмы" к эльфам.

Естественно, что внутри эльфо-жилищ всё диковинно (не как у людей!). Одно из первых описаний оного встречается в "Саге о Хрольве Пешеходе" (записана в 14 веке): "были [внутри эльфо-жилища] прекрасные палаты и чрезвычайно дивные на вид, и множество вещей там показались ему [Хрольву Пешеходу] странными."

Действие тут приблизительно по "сценарию" "золушка-падчерица, злые мачеха— отчим", — если бы ни присутствие эльфов. Другими словами, вот первый пример того, как "Сокрытый Народ помогает людям". Второй пример см. под заглавием "Скалистый Замок Грима".

СКАЛИСТЫЙ ЗАМОК ГРИМА / GRÍMSBORG /

(преподобный Паул Йоунссон из Хвамма записал сие со слов старожилы из Скага)

К северу от возделанных полей хутора Кета, что в области Скага, высится одинокая крутая скала; летом кое-где покрывают её чёрные блестящие склоны серо-зелёные островки травы, да весьма часто посещают её стаи белых шумных птиц. Имя этой скале, среди тамошних жителей "Скалистый Замок Грима" и вот почему. Там, внутри, как полагают люди, исстари обитал Сокрытый Народ и всегда, насколько известно, правил им тот эльф, которого Гримом звали.

— Жили в той скале в наше время, — сказывали старики из Скага, которых сейчас уж, увы, нет среди нас, — четверо эльфов: двое мужского и двое женского пола. И неизменно посещала поочерёдно одна их пара церковь в Кета, когда там служили обедню, другая же оставалась в то время дома.

Случился однажды неурожай в тех краях и погода была настолько жестка, что многим чудилось, что вот она, страшная старуха со ржавой косой, потирает костлявые руки и готовится собирать свой обильный людской урожай с исландских полей зимнего Голода.²⁹ И не зря. Угроза большой смертности была действительно велика.

---

²⁹ Сравни образное описание смерти из англосаксонской поэмы "Андрей": "Тогда из-за сей бедственной вести сонм князей нации был испуган, угнетён, погружён в меланхолию в предчувствии голода — этого мертвенно-бледного гостя за столом". (Х., с перевода на современный английский С.Брэдли)

Так вот, одним весенним днём, не впервой, лежал путь бонда из Кета мимо Гримова Замка и, вдруг, когда проходил он у самого подножия этой скалы, озаряет его словно нечто и останавливается он и громко произносит такую магическую песнь³⁰ на древний лад:

Кита на берег пригони —
от голода нас освободи,
Грим-из-горы, скорее!
живых ведь созерцать милее?!

И тотчас раздался ответ из скалы:

Кит брошен будь на сушу!
Берите бонды его тушу!
Не умирай Исландии народ,
К брегам Ке-санди избавление
от голода плывёт!

И на следующее утро Океан швырнул на сушу крупного финвала, прямо под Кета-скалы, и так спасены были многие от жестокого рока.

Ещё один скалистый Замок Грима находится далее, на горе на западной стороне долины Лаксар-даль, а, точнее, на территории под названием Хавра-гиль. Камни этого второго густо покрыты невысоким кустарником, чрезвычайно необходимым для растопок и прочих домашних нужд³¹. Но люди тех мест никогда не сломают ни веточки на эльфийской скале, потому что верят они: всё что ни на есть там — принадлежит Сокрытому Народу. И если какой-нибудь дерзкий сорви голова осмелится пожить за счёт эльфов хотя бы и упавшим хвостом — постигнет его (за кражу) неожиданное возмездие: падёж ли или исчезновение домашнего скота, пожар ли всего имущества или что-нибудь в этом же роде.

Краткое примечание.

Этот рассказ ещё один пример того, как эльфы бескорыстно помогают людям. Тут надобно заметить, что издревле в Скандинавии, а затем и в Исландии существовал обычай призывать эльфов на помощь или же просить от них милости — это кажется и называлось "álfa-blót". К тем местам, где, как люди полагали, жили эльфы, в нужде, обычно приносились дары, т.к. эльфы обладали силой лечить больных. (Сравни Дж.Толкин, эпизод во "Властелине Колец", где владыка эльфов Эльронд при помощи своего искусства врачевания единственный в состоянии спасти жизнь тяжелораненного Фродо.) Могли они также защитить и от врагов. (Кстати, кельты имели сходные представления.)

В Исландии на Рождественскую ночь или под Новый год, прежде чем уйти на всю ночь в церковь, хорошенько прибирают дома, выставляют еду на столы, зажигают все светильники, раскрывают двери и хозяйка обходит со светом вокруг хутора говоря следующую традиционную формулу (для приглашения эльфов внутрь): "Входите смело те, которые того желают и приходите отовсюду те, кто вознамерился придти, но не причиняйте вреда ни мне, ни тому что у меня."

Вторым действенным способом заручиться их поддержкой было — сочинить хвалебную магическую песнь по старым строгим правилам стихосложения и произнести её так, чтобы эльфы её услышали. За сим деянием обычно следовала их благодарность (см. о том например три баллады Йоуна Гвюдмундссона Учёного "Huldu-fólks mál" — Речь о Сокрытом Народу, "Þeim góðu jarðarinnar innbúum tilheyrir thessar óskir" — Да исполнятся сии [благие] пожелания для доброго народа [эльфов] и "Ljúflings-kvæði" — Песнь о льювлинге).

---

³⁰ Исландск. "ljóð" — "магическая песнь, слова которой обычно сбываются." Наиболее древние примеры этого в "Старшей Эдде" (а именно "Речи Высокого"), в "Круге Земном" ("О магических искусствах Одина"), в "Младшей Эдде" ("Песнь о Гротти").

³¹ Так как в Исландии почти нет ни обширных лесов, ни крупных деревьев.

Точно такой же способ применялся, впрочем, и в воззвании к другим силам. (Можно тут вспомнить о прямой аналогии этого свидетельства об эльфах с эпизодом о Торхалле Охотнике из "Саги об Эйрике Рыжем", где Торхалль сочинил магическую песнь в честь своего друга бога Тора, и тот в награду послал Торхаллю и его спутникам, которые также сильно страдали от голода, крупного кита на пропитание.)

В кельто-германском мире вообще песне (и рифмованой поэзии) придавалось особое значение и они так были одними из основных инструментов как белого чародейства, так и злоколдования (т.е. "ljóð, galdr, varð-lokkur". Сравни с этим колыбельную "Сонные чары льювлинга" далее. И у Толкина, к примеру, магические *gealdor* поют Мелиан, Арагорн и пр.

Ещё один странный случай с невидимыми эльфами посещающими обедню в церкви упоминается как у Й.Арнасона (*Prests-dóttir gipt huldu-manni*), так и в книге К.Маурпера. (см. библиографию)

СОННЫЕ ЧАРЫ ЛЬЮВЛИНГА³² / LJUFLINGS-MÁL /

Случилось как-то раз в былые времена, что у дочери исландского бонда родился ребёнок и утверждала новоявленная мать, что отцом ребёнка был некто из Сокрытого Народа. Однако ж никто из домашних не поверил этому рассказу, а родители её не знали куда деваться от стыда и горя из-за такого позорного и банального происшествия; разгневались они потому чрезвычайно и начали презирать и чураться собственной дочери.

Однажды вечером так сильно расплакался этот ребёнок, что не могла бедная мать ничем его успокоить. Раздражённые непрерывным шумом, все домашние, кто бы там ни был, тотчас обрушили на неё град упрёков и колкостей и каждый из них нашёлся что сказать унижительного и про несчастную мать и про её никудышного сыночка. Так что в конце концов и она сама разрыдалась.

Тогда, как говорят, раздалось в окне прямо над заплаканной матерью и раскрасневшимся от слёз ребёнком чудное пение, как назвали его впоследствии люди "Сонные чары льювлинга"; ребёнок тут же затих, а позже сбылись добрые слова, которые в этой магической колыбельной прозвучали. Мальчик подрос и стал образцом совершенства и красоты, почти идеалом для всех исландцев того времени. И когда начал он взрослеть, гласит легенда, что внезапно и он и его мать исчезли из Мира Людей и что действительно его отцом был тот самый эльф, спевший знаменитую колыбельную под окном.

Краткое примечание.

"Ljúflings-mál" — "Сонные чары льювлинга". Это очень известная исландская поэма — "магическая колыбельная" (16 века). "Технически" она написана в стиле стихосложения древних "эддических" и героических песен, то есть практически её появление возродило к концу средневековья манеру стихосложения этих древних песен в Исландии. Все последующие песни и баллады сочинённые там в этом её размере получили название "Ljuflings-lag" (т.е. "поэтический размер песни льювлинга").

Поскольку в издании "Íslenzkar Þóðsögur" по которому сделан настоящий перевод, текст самой поэмы отсутствует (там есть только короткий пересказ в прозе, представленный только что на суд читателя), и автор, к сожалению, не располагает ещё оригиналом поэмы, он решился привести здесь английский перевод оной, обнаруженной в издании: "Elves, trolls & elemental beings", translated by A. Boucher, 1977, (не рискуя всё же переводить его на русский, как уже однажды переведённый и так, разумеется, отчасти искаженный):

---

³² Исландск. "ljúflingur", буквально, "любимчик, возлюбленный, баловень", — особый термин, созданный в Исландии приблизительно в 16 (?) веке для того, чтобы обозначить именно Светлых Эльфов местных традиций. Дети "льювлингов" и людей назывались в Исландии "hálf-slektis börn", т.е. "дети двух родов (буквально, "полукровки)". См. об этом "Tíðfordri", написанный Йоуном Гвюдмундссоном Учёным в 1644 году. Профессор Толкин называет таких детей с родителями из двух родов (эльфийского и людского) *Per-eldar* "Полу-эльфы".

"Sleep, my son, sleep:
Like the seal in the sea,
The swan on the billow,
The gull on the sill,
For none can lull thee.
Like the cod in the deep,
Sleep my son sleep:

Like the cow in the stall,
The calf in the meadow,
The fish in the shallows,
The hart on the hill,
The mouse in the hole,
The worm in the soil,
The snake on the fell,
My darling, be still:

Like the beaver on the lake,
The bird on the rock,
The fox in its den,
The sedge in the fen,
The swan on the ice,
The duck on the grass,
The otter in the gill,
My darling, be still:

Like the seal on the strand,
The fish in the sound,
The bear in his lair,
With mighty paw,
The wolf on the moor,
The pike in the pond,
The eel in the pool,
My darling, be still:

And now, my love,
Have I lulled thy child,
Our darling one
With a little rhyme,
In his crib to rest;
For all time
Now doubly blessed,
For half is he mine."

Часть вторая

"колдуны обладают способностью затемнять лунный свет, вызывать шторм, выкорчёвывать деревья и растения, ослаблять скот и вьючных животных"

Многознающие и мастера
(о магии)

...о морских чудовищах не пишу я [здесь] потому, что я не успел собрать о них много сведений, хоть и видел многих, прежде чем они исчезли в Жесточайшую Зиму Великого Голода, которая приключилась Anno Domini 1602...

Из рукописи Йоуна Гвюдмундссона Учёного
"О различных явлениях природы в Исландии" (XVII век)

Содержание:

О мастере Перусе и его проделках (история первая) /Af meistara Pero ok hans leikum/
О мастере Перусе (история вторая)...
О мастере Перусе (история третья)...
О Хельге, мужицкой дочке
Об одном князе /Af Poliniano keisara/
Чаро-Лейфи /Galdra-Leifi/
Визит в холм /Hol-gangan/
Гейрмунд Верзила и эльф /Huldu-maður-inn og Geirmundur Hai/
Сага о Торстейне Погибели Хуторов /Saga af Þorsteini Bæjar-magni/
Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ /Guðbjartur floki og Holar-biskup/
Сага о Йоуне Сильном /Sagan af Joni sterka/
Гейрмунд Кожа-как-у-Хель /Geirmundur heljar-skinna/

О МАСТЕРЕ ПЕРУСЕ И ЕГО ПРОДЕЛКАХ / AF MEISTARA PERO OK HANS LEIKUM /

История первая.

Где-то в чужеземных краях жили двое братьев унаследовавших герцогство после смерти их отца. Одного из них звали Вильхьяльм, другого же Эйрик. Ещё, они имели сестру по имени Ингибьёрг, девицу прекраснейшую и весьма ладно скроенную. Всеми их делами заведовал советник Перусь. Однажды он просил руки Ингибьёрг, но не захотели братья свою сестру за него выдать, потому как без титула был он и отнюдь не богат. Но тем не менее из всех людей был Перусь наиучёнейшим. Не сказано чтобы эти братья были очень уж умны.

Обычно Ингибьёрг проводила своё время в одной обособленной пристройке, где пила она всегда со своими служанками. Мастер же Перусь, условился с герцогами и со всем народом там, о том, что с того момента, как уходит он за стол вечером, и до тех пор пока не закончит он свой завтрак-питьё по утру — не должен никто никаким делом его потревожить и не должны герцоги его не на какой совет вызывать, ибо желал он в это время от любых дел свободным быть.

Ещё двое братьев жили в той земле и завидовали они Перусю, а вернее той высокой чести, которой герцоги его удостаивали; и чтобы уменьшить уважение к нему, желали они, неистово, добыть каких-нибудь улик к его позору.

И так случилось однажды, что эти братья бродили бесцельно меж домов, когда все остальные отправились на вечернюю выпивку, и подошли они вплотную к частоколу вокруг терема Ингибьёрг. Слышат они там внутри звуки великого веселья; тотчас возжелали они пересечь сад и узнать в чём дело. Это им удаётся и заглядывают они в окно, которое в комнату выходило. Видят они что сидит там госпожа Ингибьёрг, а подле неё мастер Перусь, и кажется этим братьям, что сия парочка забавляется очень нежно с поцелуями и объятьями. Несказанно они обрадовались, ибо добыли сейчас улик предостаточно к позору мастера Перуся. Торопятся братья затем в залу. Но когда приходят они туда, то видят что мастер Перусь сидит как обычно в своём кресле, и рядом с ним двое слуг прислуживающих ему ежедневно. Тут чувствуют они, что совершенно сбиты с толку, и не отваживаются на этот раз кому-нибудь что-либо об этом говорить, но сами между собой решают, что не отступятся от этого дела пока не вызнают правды. Отправляются они покуда к себе.

Следующим вечером приходят братья опять к частоколу и слышат за ним вновь звуки громкого веселья и забав. Смотрят они затем внутрь терема и видят, что мастер Перусь и молодница ласкаются также как и в прошлый раз. Тотчас поспешают они в залу и застают вновь мастера Перуся сидящим в своём кресле. Выпивает он каждую чашу, которую слуги для него наполняют. Тогда набравшись духу, решаются братья узнать наверняка, что собственно происходит, потому как постигают они, — не может Перусь в двух местах одновременно быть. Они направляются к тому месту, где мастер сидит и обращаются к нему, но он ничего не отвечает³³. Возрастает их подозрение и любопытство. Подходят они затем смело и дотрагиваются до него. Тогда узнают они, что кресло, на самом деле, пусто и его там нет. Созывают братья к себе других людей и удостоверяются все в том, что правду они говорят. Доносят тотчас обо всём герцогам. Они собирают немедленно людей, спешат к терему, взламывают двери и врываются внутрь.

Сейчас следует заметить, что мастер Перусь возлежит в кровати с Ингибьёрг и не подозревает парочка ни о чём, до самого последнего момента, покуда не услышали они шум и грохот и не взломали пришедшие терем. Обращается Ингибьёрг к мастеру и говорит, что он считай уж покойник. Перусь велит ей сказать её братьям пламенную речь, и просит её не бояться. Впрыгивает он в льняные кальсоны, накрывается тёмно-синим, отороченным мехом, плащом, который он обычно носил, и ложится на трон королевы. И когда герцоги входят внутрь, устремляются они к ложу сестры их и не находят они там Перуся, но замечают, что он лежит на троне. Тогда молвил Вильхьяльм: "Дозволь, брат, мне отплатить ему за наш позор, ведь я из нас старший!" Хватает он затем Перуся с раздражением, пылая яростью, стаскивает его на пол, наступает своей ногой на его ногу, сжимает руку мастера и отрывает её с первой попытки, всю целиком до нижней части груди, а со второй, разрывает он его на две части. Разлетаются затем кровь, внутренности и прочие нечистоты по всему полу терема; и чтоб сделать сестре побольнее не велят они чистить терем. Удаляются герцоги со своими людьми, госпожа же падает в обморок, видя как обошлись с её любовником. Вскоре приходит она в себя, и тут замечает, что Перусь, целый и невидимый, приближается к ней. Недоумевает она и не может понять в чём тут дело, и опасается не призрак ли это его тут бродит. Перусь однако успокаивает её, — говорит, что сам он жив и здоров, и объясняет, что Вильхьяльм, брат её, разорвал на куски одно, расщепленное на двое, дерево, которое до сих пор лежит на полу: "но не добрались они до меня". Затем видит Ингибьёрг, — действительно нет ни крови ни других

---

³³ "ничего не отвечает..." — см. краткое примечание к "Визиту в холм" ниже.

нечистот на полу. Велит она ему тотчас спастись бегством. Перусь отвечает, что сначала он оденется, а после отправится в залу. Он поступает именно так.

Когда герцоги увидели его, не знали они что им ожидать ещё, и повелели своим людям схватить мастера не медля и заковать в цепи; и было затем это исполнено. Созывают они великое множество народа и влекут Перуса в лес. Добираются они до того места, на котором вознамерились казнить его; стоит он пред ними в оковах и говорит: "Только что был я связан, но вот вновь свободен"³⁴. Однако вы, братья, весьма глупые люди: я просил руки вашей сестры, но не захотели вы выдать её за меня, ибо полагали, что ничтожен я по сравнению с вами. Однако, хоть я и не такой богач как вы, но конечно вас умнее. И если бы я законно породнился с вами, то могли бы вы в любой момент рассчитывать на мудрый мой совет, потому как женившись на Ингибьёрг, никогда бы я с вами не расстался. Сейчас же налагаю я такое заклятье: да приведут вас все ваши деяния и поступки к позору и неудаче!"

Затем видится им, словно он вынимает некий тёмно-синий клубок ниток из подсумка, что прикреплен был к ремню у него на штанах, и подбрасывает клубок в небо и тот расправляется в одну нить. Кажется всем, словно Перусь подтянул себя по нему вверх, в небо, с их глаз долой, и исчез таким образом. И никогда его там больше не видели.

Краткое примечание.

Этот перевод выполнен по изданию Hugo Gering "Íslendzk Æventyri", 1882-1883, 1 том, стр-цы 217-223. (во втором томе этого великолепного издания имеется немецкий перевод и комментарии относительно предполагаемых латинских (итальянских) источников этой и двух следующих историй о Перусе. Они же воспроизведены позже в новом сборнике "Leit eg suður til landa", 1944 (Þáttir af meistara Pero). О мастере Перусе говорится также в одной из средневековых исландских "Рыцарских саг" (Clari saga).

Помимо чисто моралистической идеи епископа (и др.) о превосходстве знаний учёного человека над тупой властью денег и их невежественными владельцами, в этой и двух других историях о Перусе присутствует исконно исландский (германский) элемент, — бытовая магия. Любому исландцу в средние века было понятно, что речь здесь идёт о двух формах чародейства: "sjón-hverfing" (хотя впрямую этот термин здесь не упоминается, но см. третий рассказ "О мастере Перусе") и kukl — т.е. Перусь сотворил иллюзию своего присутствия в зале, отвёл глаза братьям настолько, что они приняли бревно за самого мастера, и, наконец, исчез "в небе".

Древнеисландское "SJÓN-HVERFING" (буквально "[истинного] обличья исчезновение", сравни исл. выражение "hverfa sjónum" "скрыться из вида") означает "мороку, наваждение, древнерусск. мечтание, позд. русск. навь, видение"; или "отвести глаза, померещилось", как переводит этот термин А.О.Смирницкая в "Саге о Хёрде и островитянах", стр. 482. (См. в сборнике "Исландские саги. Ирландский эпос.", Москва, 1973).

Исландское ранне-средневековое KUKL (Сравни немецкое gaukler, англосаксонское geoglere "заклинатель, фокусник, маг".) означает приблизительно то же, что и "sjón-hverfing".

Первая часть "Младшей Эдды" Снорри Стурлусона "Gylfa-ginning" (Одурачение Гюльви) обрамлена именно как "sjón-hverfing" (видение), которое насладились на шведского конунга Гюльви великие небожители асы (Æsir).

Эти два магических термина наиболее доступно объяснены в исландской "Саге о ярле Магусе" (Magus saga jarls):

...Теперь мы упомянем в этой саге о ярле, который правил Странс-боргом. Его звали Магус. Он был мудр и имел много друзей. Во всех искусствах представлялся он равней Рёгнвальду ярлову сыну. Однако ещё одним искусством владел он [превыше] других людей в Саксонии... ибо настолько сведущ был он в [тайнстве] рун и kuklara-skapr ("магических трюках"), что сотворял многие виды sjón-hverfing'a (мороки), таким образом, что никто не мог понять происходящее по его воле... [глава 14, стр-цы 196-7]

...Это могут также постичь мудрые, что многие вещи [описанные в саге], были исполнены с [помощью] sjón-hverfing'a (мороки) или другой подобной [магии]. И знаем мы

³⁴ "но вот вновь свободен..." — см. краткое примечание ко второй истории "О мастере Перусе" ниже.

точно, что kuklarar (заклинатели) есть и в других странах, которые сотворяют ровно такое же; и так всем кажется, словно [вот], отрубили они себе руки, ноги и стопы, но всё же целы-невредимы их [тела] опять как и прежде. И хотя в этой саге не всему можно поверить, всё же, вполне вероятно, что Магус [на самом деле] разбирался в чародействе не меньше, чем те, которые в наши дни сотворяют подобную sjón-hverfing (мороку), хоть и не ведают о том невежи; так что вовсе не обязательно такие истории объявлять ложью...[глава 79, стр. 427]

[цитируется по изданию Bjarni Vilhjálmsson "Riddara-sögur" 2, 1982]

Тёмно-синий цвет издревле означал в Исландии нечто сверхестественное или магическое. Очень часто предметы, которыми пользуются ведуны и ворожеи при своём волховании и чародействах именно этого цвета (blár). Один, к примеру, или эльфы, также являлись людскому взору как незнакомцы облачённые в плащи и т.д. тёмно-синего цвета.

Эпизод с исчезновением при помощи клубка ниток в конце данной истории живо напоминает описания обычных фокусов индийских факиров по свидетельствам очевидцев — туристов из Европы.

О МАСТЕРЕ ПЕРУСЕ. история вторая.

Неподалёку от того места проживал некий богатый хёвдинг³⁵, величали которого Принцем. Владел он великим богатством и полагал себя превыше любого другого в той земле по количеству и стоимости платья и имущества, лошадям и упряжи.

Однажды выехал он из своего града с двенадцатью слугами, и вот, скачет на великолепном рысаке, в лучшем своём одеянии, по широкой дороге в одном лесу. Все сопровождающие его слуги были также славно одеты. И когда движется так их процессия по лесу, видят они как какой-то незнакомец скачет им навстречу. Кажется он им высоким и храбрым. Он ехал на лошади настолько прекрасной, что никто из них раньше не видал ей подобной в отношении и роста и шага. Одеяние незнакомца также превосходило всё до этого ими виданное. Ну, а поскольку двигались они навстречу друг другу, то поравнялись вскоре и обменялись приветствиями. Тотчас обращается Принц к незнакомцу:

— Отважный человек, — говорит он, — продай ты мне своего великолепного рысака вместе со сбруей, всем твоим оружием и одеждой, ибо не пристало простолыдину одному владеть всем этим. А я отдам тебе взамен моего коня и всё моё платье, да прибавлю к тому ещё серебряных эйриров³⁶, что б ты не остался в накладе.

Незнакомец и отвечает:

— Не хочу я менять мою лошадь на твою, или сбрую. Да будет доволен каждый из нас тем что имеет!

Принц говорит:

— Ежели не желаешь ты продать или поменяться добром, тогда придётся тебе расстаться со всем по неволе.

Он отвечает:

— Хоть и отбираешь ты сейчас у меня мою сбрую — отнюдь не значит сие, что твои тщеславие и жадность будут удовлетворены. Да и не отдал бы я моё по собственной воле, но не могу я противиться вам тринадцати.

Стаскивают они его с лошади, хватают, и срывают с него одеяния, а взамен дают те, что принадлежали их господину. Не сопротивлялся незнакомец. Расстались они на этом и поскакал каждый своей дорогой.

Один из слуг Принца, ибо был он из них мудрейшим, тщательно обдумал только что произошедшее. Он владел диво-камнем, который, если посмотреть в него, предотвращал оптические обманы. Берёт он этот камень и смотрит в него, потому как подозревал, что видится им всё совсем по другому чем на самом деле. Тут думает он и впрямь странно всё обернулось: в действительности скачет его господин на вязанке хвороста, которая связана ивовыми прутьями и тряпичными обрывками, однако всем кажется, что это прекраснейший

---

³⁵ höfðingi — "вождь, предводитель, правитель; аристократ"

³⁶ eyrir (мн. число augar) — "унция серебра, восьмая часть марки (денежная единица)"

жеребец с великолепнейшей уздечкой и прочей сбруей. И вот, поскольку всем другим кроме него незаметно подвоха, подзывает он к себе второго-третьего с тем, чтоб они поняли что происходит. Позволяет он им поглядеть в свой камень, и видят они все одно и то же. Тогда рассказывают они обо всём их господину и дают ему самому в том убедиться. Разгневался он несказанно и велел тотчас погнаться за подлым чародеем³⁷, ибо тот был ещё не далеко. Они делают как приказано, хватают незнакомца и приводят к Принцу связанным. И когда встретились они, обвиняет его Принц, что тот обманом заполучил его имущество. Перусь (ибо это был он) отрицает сие, говорит, что никогда и не просил чем-либо меняться, и замечает, что это Принцезы собственные тщеславие и жадность обрекли его на такой позор и ослепили его разум; говорит, расплачивайся, мол, сам за свою глупость, и объявляет себя совершенно невиновным.

Принц отправляется домой вместе со связанным Перусем и намеревается казнить его. Собирает он множество народу. Они устраивают судилище на волноломе возле моря, и люди выстраиваются в ряд по всей дороге с тем, чтоб не удалось ему бежать. Считают все там, что Перусь заслуживает смерти за свою магию³⁸ и чародейства³⁹. Когда порешили так, берёт он слово:

— Какое-то время был я связан, но сейчас желаю стать свободным, и всё ж не прыгну в море чтоб погубить себя.

И не успел он сказать это, как уже сидит без пут на волноломе. Вслед за тем видят они как он вытаскивает из своего подсумка маленький кусочек мела и рисует на волноломе корабль со всей необходимой для плаванья оснасткой. Вдруг слышат они сильный грохот и шум на море, и смотрят в том направлении. Затем замечают они, что Перусь уже сам в море на корабле, поднял парус и поплыл этот человек восвояси. Сейчас же расстанемся мы с обитателями сей земли и с Перусем. Будет ещё о нём что поведать.

Краткое примечание.

В этом втором рассказе о мастере Перусе Скальхольтский епископ обличает людскую жадность, высокомерие, глупость и самонадеянность. Что несколько необычно для церковника (хотя, впрочем, довольно обычно для исландского духовенства), орудием борьбы с вышеперечисленными пороками епископ избрал чародея. Несмотря на то, что литературный образ Перуся был, вероятно, взят им из некоего латинского источника, Перусь, усилиями Халльдорссона, приобрёл очень характерные черты исландского (германского) мага: он творит наваждение, чтоб сделать из зарвавшегося гордеца Принца жалкое посмешище, а когда его связывают, то, как и в первом рассказе, без труда избавляется от пут. Ещё предводитель асов-небожителей Один похвалялся, что:

*Четвёртое (заклинание я) знаю,
коль свяжут мне члены
оковами крепкими,
так я спою (чары),
что мигом спадут
узы с запястий
и с ног кандалы.*

"Речи Высокого", 149 ("Старшая
Эдда"), перевод А.И.Корсуна

Тот же магический приём упоминается и в древней песне "Gró-galdr", где колдунья Гроа учит своего сына защитным заклинаниям в дорогу:

*Это [заклинание "galdur"] пою я пятым, —
если тебе оковы*

---

³⁷ Чародей — (исл.) *galdrar-maður* "маг, чародей; колдун". (Подробнее см. комментарий к рассказу "Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ" [заклинательная магия] и примечание к "Древним законам Норвегии" [*galdrar*])

³⁸ Магия — (исл.) *galdrar* (см. выше)

³⁹ Чародейства — (исл.) *gjörningar* (сравни др.-русс. "потворы") — см. примечание к "Древним законам Норвегии" [*galdrar*].

наложат на гибкие члены —
чары освобождения (*leysi-galdur*)
для ног и рук я произношу,
и спадают тогда путы с рук,
и с ног оковы.

"Закливание Гроа", 10

Да и внезапно появляющийся корабль напоминает древнескандинавское предание о чудесном корабле Скидбландире:

"Скидбландир — лучший из кораблей и на диво искусно (он) сделан ... лишь поднимут на нём паруса, в них дует попутный ветер, куда бы ни плыл он. А когда в нём нет нужды ... можно свернуть его, как простой платок, и упрятать в кошель, так он сложно устроен (состоит из очень многих частей) и хитро сделан."

"Видение Гюльви", ("Младшая Эдда"), перевод О.А.Смирницкой

Наваждение наведенное Перусем рассеяно с помощью "диво-камня" (*náttúru-steinn*). Пожалуй, это первое упоминание этого термина в исландской литературе, ибо в более древних сагах подобные магические предметы зовутся *lyf-steinn* ("лечебные" или "жизне-камни") [СМ ИНГОРЬ: "Московский викинг Ингорь Олегов"], или реже — *sigur-steinn*. Позже, в Исландии (17-19 вв.) отчасти под влиянием с материка⁴⁰, развилась даже целая "наука" о таких диво-камнях: о том какие именно их разновидности существуют, и как, и где, их добывать. Самые известные диво-камни это:

óska-steinn — "камень желаний" — исполняет желания. (Существует ещё несколько идей относительно иного, "не каменного", происхождения *óska-steinn*: так его связывают либо с определённой окостеневшей частью редчайшего вида краба (*oniscus*), либо с вороном. Подробнее см. Йоуна Арнассона или К.Маурера)

hulin-hjálms-steinn — камень делающий невидимым.

lausnar-steinn — помогает при родах. (Некоторые считают, что это не камень, а плод одного растения.)

sigur-steinn — "камень победы", тот, кто носит этот камень на себе, не потерпит никогда поражения (в битве и тд.).

sjónar-steinn (spegils-steinn) — "камень-зеркало" для защиты и информации.

sogu-steinn — рассказывает этот камень обо всём, что захочешь у него узнать.

bern-steinn (agat) — защищает от колдовства, яда, призраков, "немёртвых" и т.д.

blóð-stemnu-steinn — "камень останавливающий кровь".

líf-steinn — "камень жизни", продливает жизнь, заЖИВляет раны.

skrugu-steinn — даёт возможность своему владельцу видеть любую часть мира.

calcedonius — вылечивает безумие и простуды, умирляет гнев сильных мира сего.

hirundo-steinn — привораживает девиц.

svölu-steinn — делает человека весёлым и приятным в общении, оберегает от диких зверей и гнева сильных мира сего.

alabastur — приносит победы и всеобщую любовь.

medo — помогает от болей в ногах и слепоты (может быть ядовитым).

diacodos — если его поместить в воду, то можно увидеть морских духов.

bezoar (=líf-stemnu) — приносит мастерство в ремёслах, здоровье и удачу.

⁴⁰ Сравни среднеанглийский рассказ о камне "dyamand" (т.е. об алмазе): "[В Эфиопии.] Об алмазах: того, кто носит с собой алмаз, он наделяет смелостью и мужеством, и он сохраняет руки-ноги в целости. Он приносит ему победу над врагами в раздорах и на войне, дарует его стороне правоту; и он хранит того, кто его носит в здоровом уме; и он отводит от него вражду и насилие, кошмары, печали и об-мороки (чары), иллюзии-обманы (прелести) и наваждения лукавых духов. И если какой-либо проклятый ведьмак или ворожей пожелает околдовать того, кто носит алмаз — все те горести и несчастья вернутся к нему же (т.е. ворожею) благодаря силе этого камня." ("Путешествия сэра Джона Мандевиля", ок. 1400 г., гл. XIV (XVIII).) Сравни также древнерусский источник: "Вверху тех палат устроены два золотых яблока, а в них вковано по большому камню сапфиру (самфиру) — для того, чтобы не оскудела наша храбрость. И четыре камня находятся на столбах для того, чтобы чародейки (потворницы) не могли чар творить над нами." ("Сказание об Индийском царстве", XIV-XV вв., подг. и перевёл Г.М.Прохоров.)

Подобная история о том, как при помощи náttúru-steinn(a) было развеяно зрительное наваждение (sjónhverfingar) встречается также и в "Саге о Сигурде Молчуне" (14 век) См.: "Riddara sögur", bd. III, "Sigurðar saga Þögla", k. 49, bls. 252, ut. af B. Vilhjálmsson.

Некие "камни... волшебные" упомянуты в наставлениях др.-русского "Домостроя", что говорит о том, что подобные исландским представления бытовали и на Руси.

О МАСТЕРЕ ПЕРУСЕ. история третья.

В том месте, куда пристал Перусь стоял некий герцог со своими боевыми ладьями. Не было у него государства, где бы он мог править. Его считали человеком справедливым, соответственно его положению. Истреблял он викингов⁴¹ и грабителей, но отпускал всех добрых людей с миром. Поэтому было у него много друзей, и не знал он отказа ни в чём у любого конунга. Перусь застал герцога в то время дня, когда готовили повара еду: они разделяли петуха к столу упомянутого герцога. Поприветствовал его Перусь подобающе, да и говорит:

— Велика добрая молва, что идёт о тебе, о том, что ты смел в распрях и справедлив с простым людом. Но не желаешь ты разве стать конунгом или ярлом в каком-нибудь крае? Или же не представлялось тебе прежде возможности?

Отвечает герцог:

— Даже и не думал я об этом.

— А не отказался ли ты стать конунгом, если б подвернулся случай? — продолжает Перусь.

Тот и отвечает:

— Конечно, уж не был бы я против.

— Хорошо ли ты отблагодаришь того, кто сему поспособствует?

— Уж точно получит он вознаграждение, — уверяет герцог.

Молвил Перусь:

— Согласен ли ты отсчитывать ему по десять золотых марок⁴² каждый год, покуда ты у власти?

— Десять марок? — переспрашивает герцог. — Да хоть бы он брал все двести.

Перусь и говорит:

— Не прошу я больше десяти.

— Их дам я охотно, — уверяет герцог.

На том и порешили. Уходит Перусь.

Там неподалёку проживал в своих палатах один конунг. Он был женат и имел сына трёх зим отроду⁴³. И так вдруг случилось, что этот конунг умер в мгновение ока. Местные жители создали тинг⁴⁴ чтоб выбрать нового конунга. Собралось там великое множество народу. Туда же прибыла королева со своим малолетним сыном. Считают все самым правильным, чтоб сын усопшего стал преемником его царства. Тут-то и объявился на тинге наш Перусь. Он начал свою речь так:

— Да, всё правильно. Сын является наследником своего отца. Но в данном случае он, увы, слишком юн, чтоб быть настоящим правителем или защитником своего народа. А что случится, если вдруг сюда нагрянут викинги? Или же вы ничего не слышали?

---

⁴¹ Если быть точнее, то во времена епископа Йоуна Халльдурса (XIV в.) слово викинг (исл. vikinga) уже обычно обозначало просто морских разбойников, пиратов, а не традиционных (относящихся к периоду ок. 700-1050 гг.) скандинавских викингов. К примеру, испанские китобои, промышлявшие в исландских водах в XVII в. называются hinir spansku vikingar, т.е. испанскими пиратами (сравн. vikinga tímur о них же). Тем не менее, исходный "викингский" оттенок у этого слова в XIV веке был ещё достаточно силён.

⁴² Десять марок золотом (исл. X merkr gullz) — tnoerk (марка) состояла из восьми aurar (унций). Стандартная марка весила около 214 гр. (E.Gordon, c. 207-208.)

⁴³ Трёх зим — исландцы, как и все древние германцы, до недавнего времени считали количество дней ночами, года же и возраст — зимами. С начала XX в. при подсчёте возраста год (aar) употребляется теперь в Исландии в отношении людей, зима же (vetur) — в отношении животных. Впрочем, в провинции до сих пор придерживаются старого порядка, считая всё ночами и зимами (сравн. соврем. англ. fortnight — две недели).

⁴⁴ Тинг (исл. thing) — народное вече.

Они отвечают что им, мол, ничего не ведомо. Перусь и говорит:

— Мне сообщили, что целая флотилия боевых кораблей пристала к берегу. Да вы сейчас и сами можете видеть, что буквально каждая ваша гавань кишит вражескими ладьями. А значит, нет никакого иного выхода, чем призвать какого-нибудь бесстрашного предводителя, который бы смог избавить вас от сей напасти. Ибо враги не замедлят схватить вашу королеву и разграбить ваше добро.

Соглашаются люди, что в его словах есть здравый смысл. Затем же, действительно, видят они, что грозное войско уже в самой их земле. Начинается паника. Некто из толпы вопрошает кого же он, Перусь, считает самым подходящим на роль конунга для их страны. Перусь отвечает, что без сомнений, это герцог, ибо он всегда одерживает победы, умён и предусмотрителен. "А какой он непревзойдённый человек в сравнении с другими людьми!" На том и порешили тамошние обитатели, да и сама королева была не против.

Затем Перусь отправляется на встречу с герцогом и говорит ему что, вот, мол, подвернулся, наконец-то, случай принять ему титул конунга. Но это при условии, что он будет отсчитывать Перусю по десять марок золотом каждый год. Герцог же отвечает, что не прочь и выплачивает ему тотчас десять марок. После этого направляется герцог в сторону конунговых палат, и его там радушно принимают. Выбирают его конунгом, и женится он на королеве. Дают ему в руки всю власть в королевстве, и он весьма сим доволен. А то огромное войско, что подошло к границе их страны исчезло настолько быстро, что никто толком и не понял, что с ним случилось.

Проходит первый год правления новоиспечённого конунга, является туда Перусь, как договаривались, день в день, входит в палаты и приветствует его. Конунг встречает того милостиво. Перусь молвил:

— Вот он я, прибыл, чтоб получить причитающееся мне.

— Да, да, — говорит конунг, — всё уже приготовлено.

И отсчитывает ему тотчас десять марок золотом. Дружинникам же это кажется странным.

Второй раз ровно через год в тот же день приходит Перусь и требует своё вознаграждение. Поднимается тут сильный крик в палатах, что, мол, этот человек всегда требует деньги у конунга. И подозревают — что-то неладное в этом кроется. Когда конунг слышит такие толки, просит он Перуса не требовать у него больше денег, хотя велит всё же выдать ему и в этот раз десять марок. Тем не менее, Перусь заявляет, что будет добиваться своего, что бы конунг ни говорил, берёт очередное вознаграждение и уходит.

В третий раз по прошествии двенадцати месяцев предстаёт Перусь пред конунгом и требует положенные десять марок золотом. Тут поднимается невообразимый шум в палатах, ибо дружинники говорят, что, мол, этот чужестранец сделал их конунга данником. Думают, точно кроется во всём этом нечто неладное. Когда конунг слышит такие речи, обращается он к Перусю гневно:

— Да в своём ли ты уме, что осмеливаешься требовать у меня деньги?! Так ли ты хочешь отплатить мне за добрую волю, что я выказал тебе в прошлый раз?! Сейчас же оставь свою наглость, если не хочешь, чтоб тебя избили до полусмерти!

Перусь и отвечает:

— Тебе даже не стоит надеяться, что из-за твоих угроз я перестану требовать причитающееся мне.

Конунг молвил:

— Если ты не уймёшься, велю я тебя схватить, и на самом деле прикажу умертвить!

Перусь и говорит конунгу:

— Помнишь ты, где встретились мы впервые?

— Да, помню, — отвечает конунг.

— Ага, — продолжает Перусь. — Тогда был ты просто герцогом, и считали тебя справедливым человеком и отнюдь не жадным. Но сейчас, гляди-ка, стоило тебе только разбогатеть, и вот уже стал ты алчным, да скор на неправый суд и расправу. Конечно! Ведь ты получил власть поступать по своей воле. Не так ли? Ну, а поскольку, я сейчас испытал тебя, каков ты есть на самом деле, думаю я, что петух уж сварился!

Раз, и оказывается, что герцог никуда не уходил от своего корабля, а времени прошло не больше, чем потребовалось, чтоб петух [которого повара начали разделявать, когда они только встретились] сварился. Хотя и показалось герцогу, что пробыл он конунгом уже несколько лет, разделил ложе с королевой и правил страной. И всё это произошло не без помощи наваждения, да супротив того, как на самом деле было, ибо заморочил ему мастер Перусь голову. Потому как возжелал Перусь испытать герцога, кем тот окажется, когда сможет поступать по своей воле.

То же самое относится и к другим многим, ибо губит того гордыня, кто сильно рвётся к власти; и хочет он один всем заправлять. И перестаёт он также порою уважать того, кто прежде ему помог. И здесь заканчивается рассказ о мастере Перусе на этот раз.

Краткое примечание.

Sjon-hverfing — наваждение, морок, иллюзия (см. краткое примечание к первой истории о мастере Перусе). Подобные ситуации, где пугающие боевые наваждения используются в тактических целях, упоминаются в древнеисландской "Саге об Эйрике Рыжем" (гл. 11):

"Два человека пали из (викингского) отряда Карлсефни, а у скрелингов — четверо, хотя и были викинги атакованы (подавлены?) численно превосходящим вражеским воинством. Викинги идут к своим времянкам (временным жилищам) и пытаются понять, что это было за неприятельское сонмище, которое напало на них на земле. Затем они думают, что настоящим (не иллюзорным) было лишь то воинство, которое приплыло на лодках, другое же воинство было мороком".

Нечто подобное можно найти в "Истории франков" Григория, епископа Турского. Гунны предприняли очередную попытку вторжения в Галлию. Сигиберт выступил против них со своим воинством, предводительствуя большим числом храбрецов. И когда они должны было сойтись на поле брани, гунны, будучи весьма сведущими в волшебстве, наслали перед собой ложные видения самых разных видов и окончательно разгромили своего противника. Войско сигиберта бежало, а его самого схватили гунны ("Книга четвёртая", 29).

В среднеанглийском "Завоевании Ирландии" (1450 г.) рассказывается: *"В то время, когда (английское) войско пребывало в Оссори, так случилось, что оно расположилось на ночь в старом замке и вокруг него... Глубокой ночью на него напало столь многочисленное воинство, словно бы несметные тысячи, ударив с каждого фланга, казалось, в яростной атаке свирепо заполнили все окрестности со звенящим оружием, копьями и алебардами, подстёгивая себя криками настолько страшными, что эти "эльфийские деяния" не знали границ, как часто бывало в Ирландии. Сие большую часть английского войска настолько поразило и повергло в ужас, что солдаты бежали и укрылись кто в лесу, а кто на вересковой пустоши... покуда они не услышали, что эти крики и шум полностью прекратились и были на самом деле ничем иным, как наваждением".*

В коллекции Йоуна Арнасона есть следующий любопытный эпизод из жизни известного чародея Латинского Бьярни: *"Был как-то Бьярни на некоем хуторе. Он читал вслух "Сагу о Карле Великом и его витязях", чтобы развлечь его обитателей. Тут тамошние две работницы заявили, что весьма забавно было бы увидеть описанные события и героев этой саги воочию: "Но ведь совершенно очевидно, что не многое смыслят те, кого ныне величают ведунами, ибо они не в состоянии устроить подобное". Бьярни сделал вид, словно ничего не слышал. Какое-то время спустя, вечером, приспичило сразу обоим служанкам выйти во двор по нужде. Когда возвращались они в дом — глядь, Бьярни стоит под дверьми, да и говорит им: "Посмотрите-ка вниз, на откос поля вокруг хутора, девки!" Они повинуются и видят, что там все витязи Карла Великого сошлись в жестокой сече. Приближается всё это с грохотом страшных ударов, треском и шумом битвы. Испугались работницы дальше некуда, и бросились прямоком в объятия к Бьярни. А он принудил их побыть ещё немного во дворе, покуда не насладились те полностью. После этого никогда не подначивали они больше Бьярни." (т. I, с. 485, "Об известных чародеях".) Нечто подобное можно найти и во "Властелине колец" профессора Толкина в "Книге 5" (гл. 2, 9).*

О ХЕЛЬГЕ, МУЖИЦКОЙ ДОЧКЕ По рукописи Торварда Олавссона

Жили-были старик со старухой. Они обитали в маленькой избёнке, и была у них дочка по имени Хельга — самая красивая девица тех времён. И вот, подошло то время, когда старуха почувствовала что скоро умрёт. Тогда позвала она свою дочь и говорит, что жить ей в тягость, и невыносимо уж нести бремя земной жизни. Сожалела она, что ничем больше не сможет помочь она Хельге.

— Хотя дам я тебе одно шило, — молвила старуха. — Будет оно говорить «да», если тебе вдруг нужда в том случится.

Затем старуха умерла.

Как-то вечером велел старик своей дочери Хельге разделить с ним ложе. Она не соглашалась, а старик требовал этого всё настойчивей. Тут она и сказала, что забыла, мол, забросать огонь углями на ночь, но сделать это всё же необходимо, не то случится пожар. Отправилась она в кухонную комнату⁴⁵, воткнула шило в стену и попросила его говорить «да», а сама опрометью бросилась в ночную темень. Спустя какое-то время старик позвал Хельгу, и шило за неё ответило, притом постоянно твердило «да-да». Наконец утомило сие бесконечное «даканье» старика, он увидел, что его дочь пропала, стал носиться по дому, выскочил наружу — искал её, но не находил. Тогда возвратился он восвояси, и не будет больше о нём речи в этом рассказе.

О Хельге же надобно поведать, что она убежала в дремучую чащу и шла всю ночь, лишь бы оказаться подальше от этого ужаса. С первыми же лучами восходящего солнца вышла она к приветливому маленькому домику. Она зашла внутрь и увидела некого молодца, который развлекается сам с собою игрой в тавлеи⁴⁶. Он радушно её принял и предложил тут поселиться, ибо это показалось ему самым для неё подходящим: он одинок, и ему нужна помощница по хозяйству. Хельга согласилась. Она спросила, как его зовут. Он ответил, что его имя Херрауд⁴⁷. По прошествии какого-то времени Хельга уже ждала ребёнка.

Днём Херрауд промышлял то охотой в лесу, то рыбной ловлей. Ночевал же он всегда дома. Но вот повадился он возвращаться всё позже и позже, а однажды не пришёл вовсе. Хельга ждала-ждала его, да вдруг почувствовала себя нехорошо и, присев на минутку, мгновенно погрузилась в тяжкую тревожную дрему. Тут и увидела она во сне свою матушку. Словно пришла она к Хельге, да и говорит:

— Предал тебя твой молодец Херрауд, потому как завлекла и очаровала его безобразная тролльша⁴⁸. Намеревается он на ней жениться. Сейчас же уходи из этого дома, да обуйся

---

⁴⁵ Eld-hús — кухня. На каждом хуторе существовало три обязательных постройки: спальня-гостевая, кухня и кладовая. В кладовой хранили еду. На кухне готовили на открытом очаге, который назывался hloðir (камин?). Дым уходил в круглое отверстие в крыше. В викингские времена eld-hús (=elda-skáli — «дом с очагом») являлся главным строением исландского (скандинавского) хутора, где спали его обитатели и гости (подробнее см. комментарии к «Саге об Эгиле», 1956, с. 767).

⁴⁶ Тавлеи — шашки, шахматы, исл. tefla.

⁴⁷ Herraudr (Херрауд) — сын конунга Родиана. Упоминается, например, в «Саге об Эгиле» как положительный персонаж (гл. 7, 8, 17).

⁴⁸ Йоун Арнасон в предисловии к одному из разделов своей коллекции о троллях (т. 1, с. 142) пишет: «Также skessa или skass — бранное слово, которое употребляется в отношении сварливых и яростных созданий, шумливых и вульгарных грубиянок». Пристрастие тролльш к человеческим мужчинам (что заметно и в приведённой здесь сказке) исландский учёный Эйнар Г. Пьетурссон объясняет следующим образом: «Около 1600 г. два исландских епископа написали по трактату о нашем острове. В обоих трактатах говорится о том, что, собственно тролльш-то тогда видели, тролли же мужского пола все повымерли, и потому в их роду не было потомства. В исландских историях XIX века можно найти множество саг о тролляпах, которые пытаются заполучить себе мужчин для того, чтобы восполнить отсутствие троллей мужского пола в своём роду. Человеческим мужчинам удаётся сбежать, покуда skessa по их требованию пытается добыть и принести для них с самого далёкого мыса Исландии двенадцатилетнюю акулу, якобы для еды. Описан случай, как некий мужчина отделался от агрессивной tröll-skessa так: он ясно показал ей, что настолько не дорос снизу, что от него женщинам совершенно не было проку» (Frændafundur 2», Torshavn, 1997, с. 61-62). На карте Исландии существует название Skessu-hlaup — «прыжок скессы». В том месте, как говорят, одна скесса, подойдя к реке, текущей из ледника в горах, прыгнула через неё с одной скалы на другую. Или же, например, в книге «The Icelandic Journal of Henry Holland» (1810) на стр. 165 повествуется о высокой остроконечной скале

задом наперёд, и поспеши укрыться в землянке, которая тут неподалёку, у самого старого дуба. Да не мешкай — это ведьмовская великанша⁴⁹ хочет тебя убить.

Хельга тотчас проснулась, завязала на себе обувь задом наперёд, и поспешила спрятаться в землянке⁵⁰. Вскоро к их дому прибежала собака и стала искать Хельгу: носилась взад-вперёд, пытаясь унюхать её след, но не нашла, и с тем убралась восвояси. И тогда услышала Хельга шум вдали, будто что-то тяжёлое падает сверху, от чего содрогнулась и наполнилась гулом вся земля. Увидела она сквозь щель в землянке, что это приближается мерзкая тролльша. Она рыскала там и тут, изучая следы, но также не смогла ничего разобрать, и удалилась прочь.

После этого Хельга покинула землянку, и побрела в лесную глушь. Долго она блуждала, пока не вышла к какому-то быстрому лесному ручью. Вскоре прибежал туда за водой кургузый ребёнок, Хельга незаметно опустила колечко в его ведёрко. Ребенок ушёл, а чуть позже из-под земли вырос карлик-дверг. Подошёл он к Хельге, поблагодарил за щедрый подарок его ребёнку и пригласил к себе в гости⁵¹. Они отправились к большому камню, который открылся, и зашли в него, словно в дом. Внутри сидела жена карлика-дверга. Она также поблагодарила Хельгу. В этом камне разрешилась Хельга от бремени красивым мальчиком.

Как-то карлик-дверг молвил, обращаясь к ней: — Сегодня твой Херрауд женится на ведьмовской великанше, и если ты вдруг захочешь взглянуть на свадьбу — я могу это устроить. Хельга ответила, что очень желала бы взглянуть хоть одним глазком. Тогда карлик-дверг отправился с ней в одну пещеру. Там он накинул на неё плащ-невидимку. Он велел Хельге проследить — чем будет занята невеста каждый вечер после того, как уходит она с пиршества. На последний же вечер свадьбы должна Хельга показать Херрауду, чем та занимается. Сами торжества продлятся три дня. Под конец велел карлик-дверг позвать его по имени⁵², если случится нужда. И, сказавши это, он исчез.

В той пещере наблюдала Хельга за сказочным волшебством, а они проходили с невероятным шумным весельем и радостным гамом. Прекрасная статная невеста восседала на скамье и была ростом не выше среднего. Херрауд веселился от души. Вечером невеста покинула пещеру, и не захотела, чтобы её кто-нибудь сопровождал. Она отошла недалеко от входа, трижды повернулась вокруг себя и сказала:

— Стану я какой родилась!

пирамидальной формы под названием «Horn» (por). Полное её имя — «Skessu-nom», из-за великанши-людоедки, которая подстерегала там путников.

⁴⁹ Ведьмовская великанша — термин *trall-skessa* состоит из слов *trall* (тролльша) и *skessa* (безобразная великанша, иногда употребляется как синоним слова «ведьма»).

⁵⁰ Землянка (*jarð-hús*) — возможно, изначально обозначало «подземную пещеру». Собственно, *jarð-hús* — «дом в земле» — обычное убежище для преследуемых людей в древнеисландской литературе. Например, в «Саге о Вёльсунгах»: «Только один Сигурд спасся. Он скрывался в землянке в лесу, ожидая возможности отомстить» (гл. 6, 7).

⁵¹ Ребёнок карлика-дверга — весь этот эпизод встречается гораздо раньше в «Саге об Эгиле» (XIV в.): «Великан нанёс Эгилу ответный удар и попал ему в руку, отрубив её у запястья так, что меч вместе с рукой упали на землю. Эгиль больше не мог вынести боли, потому встал с ложа и отправился в лес. Он вышел к какому-то потоку и подумал, что ему полегчало отчасти, когда он опустил руку в воду и она омыла ему рану. Затем Эгиль увидел ребёнка карлика-дверга, выходящего из скалы с ведром за водой. Эгиль сорвал зубами золотое кольцо с пальца и бросил его в ведро. Ребёнок убежал с ним назад в скалу. Немного погодя из скалы вышел карлик-дверг и спросил, кто же был настолько щедр с его ребёнком. Эгиль назвал своё имя и прибавив, что, судя по тому, как всё для него обернулось, он теперь не очень-то нуждается в золоте. «Мне больно это слышать, — сказал карлик-дверг, — пойдём-ка со мной в скалу». Эгиль так и поступил» (N. Palsson, P. Edwards. «Two Vikings Romances», 1995, с. 68-69).

⁵² Сравни в «Младшей Эдде»: «Тор ушёл в восточные земли избивать троллей... Асы тогда пригласили великана Хрунгвира к себе на пир в Вальгаллу... И когда он сильно опьянел, то не было с его стороны недостатка в громких словах и угрозах... И когда асам порядком надоела его похвальба, они назвали имя Тора. Немедленно Тор вошёл в залу в великом гневе, с занесённым молотом». Исландец Иоун Учёный (XVII в.) недвусмысленно комментирует это место: «Конунг-великан Думбр прекрасно выучился магическому искусству Тора (*Fors natturukunst*) быстро оказываться там, где его звали по имени, и приходить другим на помощь, когда их жизни грозила опасность. Оттого у него было много друзей, и его причисляли к прославленным духам-помощникам (*hjálpvásttir*)» («Eddurit Jóns Guðmundssonar Lærða», bd/ /bls 56). Примеры употребления этого магического искусства встречаются также во многих других источниках.

И превратилась она в огромную безобразную тролльшу. Затем она молвила:

— Явись турс трёхголовый⁵³, брат мой, с большой бочкой, полной конской и человеческой плоти.

Тогда появился турс с бочкой, и принялись они оба трапезничать. Насытившись, ведьмовская великанша обернулась трижды и молвила:

— Стану я какой была!

И оказалась она опять стройной девушкой. На второй вечер всё снова повторилось как в первый раз. На третий же вечер нашла Хельга Херрауда, но он её не узнал. Она незаметно привела его к ведьмовской великанше как раз в тот момент, когда та принялась насыщаться человечесиной. Поразился Херрауд до глубины души, да связал из верёвок ловушку у входа в пещеру, а сам удалился внутрь. И как только невеста попыталась войти — она попала в ловушку. Принялась она звать на помощь своего братца. Немедленно явился разъярённый трёхголовый турс. Хельга же, не растерявшись, призвала поскорей карлика-дверга. И вот видит она, что прилетела птица, набросилась на турса, разбила ему клювом все три башки так, что он упал замертво. А невеста повесилась на верёвках, из которых сплетена была ловушка. И не показалась она Херрауду очень уж красивой, когда валялась мёртвой в своём истинном обличий. Только теперь Херрауд заметил Хельгу и был очень ей рад. Он умолял простить его, и говорил, что это ведьмовская великанша заморочила его и толкнула на предательство. Перебрались Херрауд с Хельгой из пещеры в свой прежний домик в лесу и справили там свадьбу. А в самый день их свадьбы карлик-дверг принёс им их сына и положил на колени Хельге. Херрауд щедро отблагодарил его за помощь.

Херрауд и Хельга любили друг друга до самой старости, и здесь заканчивается этот рассказ.

Краткое примечание

В данной сказке заметны чрезвычайно древние языческие корни. Так, все наиболее дикие и злые деяния в этой истории (сожительство ближайших родственников, каннибализм, поедание конины) служили основой самых ранних сводов запрещений, утвержденных католической церковью для германских язычников. Языческий ритуальный каннибализм был запрещён как в христианских норвежских законах, где связывался с колдовством и «состоянием тролля», так и в более ранних франкских и древнесаксонских судебныхниках. «Если ворожей-оборотень (*stria*) любого пола съест человека, он будет приговорён к штрафу в 8000 динариев или 200 солиди» («Салическая правда»). Если кто-нибудь верит в то, что некий муж или жена — ворожей-оборотень (*strigani*), то есть, тот, кто ест людей, и посему его (её) сожжёт, или же отдаст его (её) тело на съедение другим, или же сам съест ворожея — лишится тот головы» («Первый саксонский капитуляр»). Запрещение есть конину встречается в первых исландских христианских законах (см., напр. «Сагу о Ньяле», гл. V, или «*Islendingabok*», XIII в.). По мнению Э.В.Гордона, это было связано с тем, что в языческой среде конь считался священным животным, его приносили в жертву, а часть его плоти, сваренную после жертвоприношения, съедали («*An Iutroduction to Old Norse*», с. 209). Обилие отсылок к антиязыческим законам позволяет предполагать, что в создании сказки участвовал некий верующий христианин, привнесший в текст элементы назидательности.

В данной сказке заметно влияние древней «Саги об Эгиле Одноруком и Асмунде Убийце берсерков».

---

⁵³ Трёхголовый турс — по древнесеверной традиции, турс (древнеангл. *þurs*) — Безобразное многоголовое чудовище, поедающее людей. Имя третьей руны норвежско-исландского рунического алфавита — «турс»; обычно ей приписывается магическая разрушительная сила (ср. «Речи Скирнира», 36). ещё в XIV в. в Норвегии была сильна вера во вредоносное влияние турсов, которых тогда уже воспринимали как своего рода демонов, о чём свидетельствует, например, руническая палочка, обнаруженная при раскопках в городе Бергене. Заклинание, вырезанное на ней рунами, гласит: «Режу я исцеляющие руны, режу я руны помощи... трижды против турсов». Довольно рано, что уже явствует из древнеанглийской поэмы «Беовульф», написанной католическим священником в VIII в., турсов стали путать с другой разновидностью древнегерманских великанов — ётунов. В том же «Беовульфе» чудовище Грендель называется то ётуном, то турсом.

ОБ ОДНОМ КНЯЗЕ⁵⁴
/ AF POLINIANO KEISARA /

Как сказывают, жил на свете один князь по имени Полинианус. Был он горд и имел при себе множество вассалов. Жена его также слыла гордячкой, выделялась знатностью происхождения и жаждой власти; но при всём притом не хранила верность супругу, ибо благоволила одному рыцарю гораздо более нежели чем собственному мужу. Вследствии чего и желала тайно, всем сердцем, своему Полинианусу смерти. Тут как раз объявляет ей князь, что хочет он совершить паломничество за море и наказывает ей вести себя благопристойно в его отсутствие, да рачительно относиться к его добру и деньгам, и просит её об этом пламенно.

— Божьей милостью будет всё сохранно, — отвечает она.

И лишь только ступил муж её за порог — тотчас посылает она за одним ворожеем⁵⁵, и когда пришёл тот к ней, говорит она: "Муж мой только что отбыл паломником в далёкие земли. Если ты своим искусством найдёшь способ погубить его, да так, чтоб сюда он уже больше не воротился — за сию услугу получишь ты тогда от меня всё чего не пожелаешь." Ворожей и отвечает: "Знаю я способы как известить князюшко где бы он нынче ни был, но за такие мои труды жажду я ничего иного, чем сердечной твоей любви."

Соглашается она на это условие. Затем приступает ворожей к делу и вылепливает из воска с землёю-прахом истукана с подобным князю обличем и помещает его пред собой на расстояние полёта стрелы.

Сейчас же самое время вернуться к Полинианусу, который продолжает своё паломничество и, гласит сага, был он уже на дороге в великий Рим-град, как однажды по пути, встречает он некоего книжника. Приветствуют они друг друга и князь спрашивает встречного о новостях, но тот вдруг замолчал и лишь вздохнул тяжко. Князь и говорит: "Добрый мой книжник, открой мне, что гнетёт тебя, что омрачает твой разум?" Отвечает книжник: "Печалюсь я по причине грозящей тебе гибели, — молвил он, — вне сомнения, умрёшь ты нынче же, если не будет что-либо предпринято." Встревожился князь: "Поведай в чём тут дело." Книжник и говорит: "Да будет тебе известно, что жена твоя — шлюха, ведёт себя соответственно, и так уж повелось с нею давно. В день сей готовится она сжить тебя со свету."

И когда услышал князь всё это, встал он словно громом поражённый, бормоча: "Знал я прекрасно о том, что жена моя шлюха и притом давно, однако не ведал, что приуготавливает она мне погибель. Но если существует на свете хоть какое-нибудь средство или способ спасти мою жизнь — не медли, яви его мне и буде он успешен — всё моё добро и состояние перейдёт в твои руки." Успокаивает его книжник: "Разумеется на всё есть совет да помощь. Даже в этом случае. Особенно, если будешь ты во всём меня слушаться." Князь соглашается: "Готов я сделать всё, что ни прикажешь."

— Мда-с, — говорит книжник, — хозяйюшка твоя наняла одного ворожея и погубит он тебя сегодня же своим ведьмовством⁵⁶ и нащёптыванием⁵⁷. Изготовил он истукана личиной подобного тебе, воздвиг его перед собою и вот-вот зачнёт стрелять. И попади он в грудь твоему двойнику, умрёшь ты мгновенно на том самом месте, где застигнет тебя его выстрел. Конечно в случае, если никто не убережёт тебя от сего. Итак, сейчас же, живее, поступай как я тебе велю и возможно, тогда, спасу я твою жизнь. Скорей разоблачайся и поспеши в моё жилище, в ту из комнат, где успел я уже приготовить ванну и войди в неё.

---

⁵⁴ Князь — в древнеисландском тексте "keisari", буквально "цезарь, кесарь, цесаревич".

⁵⁵ Ворожей (колдун) — (исл.) *galdra-maður* (См. комментарий к рассказу "О мастере Перусе. История вторая" [чародей].)

⁵⁶ Ведьмовство — (исл.) *kunnátta* "знание, опытность, сноровка" — в переносном смысле, буквально "то, что знаешь, ВЕДаешь, — ВЕДовство, знахарство; ВЕДЬмовство" (См. также комментарий к рассказу "Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ" [ведун].)

⁵⁷ Нашёптывание — (исл.) *galdrar* — мн. число от *galdur* "заклинания; магия" от глагола *gala* "петь; заклинать, нащёптывать" (См. также комментарий к рассказу "Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ" [заклинательная магия] и примечание к "Древним законам Норвегии"[*galdrar*].)

Князь исполнил всё, как было велено и затем протягивает ему книжник золотое зеркальце, поясняя: "Ну теперь, убедишься ты посредством его, что всё только что поведенное мною — правда."

Некоторое время спустя просит он князя в ванне повторить ему, что тот видит в зеркальце: "И описывай подробно то, что открывается тебе!"

Князь отзывается: "Вижу я, что всё происходит в доме моём равно как и рассказал ты мне. Колдун сгибает свой лук и целится в моё подобие." Книжник и говорит: "Теперь, во имя жизни, насколько ты ею дорожишь — только ты заметил, что натянул он тетиву и собирается пустить стрелу, в тот миг пока она летит, не мешкая ныряй в воду, если желаешь смерти избегнуть! Ибо попади он в двойника, миготом отзовётся это в тебе самом".

И когда князь смотрит в зеркало и замечает, что проклятый колдун окончательно изготовился к стрельбе, быстро погружается он под воду. Затем поднимает он голову опять и спрашивает его книжник: "Что видишь ты сейчас?" Отвечает князь: "Колдун стреляет в двойника выстрелом, который наводит на меня дрожь." Ободряет его книжник: "Благая надежда в произошедшем только что для тебя, — молвил он, — попади ворожей в истукана — быть тебе сейчас уж мёртвым." Велит книжник смотреть ему далее в зеркальце и сообщать обо всём, что он там увидит. Князь и говорит ему, что ужасный лук снова согнут и готовится колдун стрелять ещё.

— Повтори всё в той же последовательности что и раньше, — торопит книжник, — иначе ты покойник.

Тотчас прячет князь голову под воду, а когда появляется над поверхностью вновь, говорит он книжнику: "Мгновенье назад был я очень испуган, ибо казалось мне, что вот-вот попадёт он в двойника. Затем, ага, вижу колдун зовёт хозяйку говоря: "Если я промахнусь и в третий раз, тогда обречён на смерть я, но не твой муж; а моя хозяйшкa рыдает и содрогается." Говорит книжник: "Ещё взгляни в зеркало и скажи что видишь." Князь отзывается: "Он собирается вновь натянуть тетиву, чтоб выстрелить по истукану и сейчас напуган я более всего."

— Делай всё как раньше и нет тогда никакой нужды бояться.

Князь следует указанию и когда опять выглядывает из воды, смотрит он в зеркальце и лик его становится куда более светел, чем до сих пор. Книжник и спрашивает у него: "Молви, что произошло, что видишь?" Князь отвечает: "Колдун выстрелил в истукана, но поразил в результате свои лёгкие и тотчас же испустил дух; а хозяйшкa, вся в великой скорби, подхватила его тело и отволокла под своё ложе." Книжник и говорит: "Помог я сейчас тебе спастись, а значит наступило время получить мне мою награду, и после ступай себе с миром." Князь отдал ему сколько тот потребовал и затем расстались они.

Возвращается князь домой в свою землю и извлекает труп колдуна из-под кровати своей супруги. Отправляется он затем к управителю тех краёв, должность которого по-английски называется мэр и доносит ему о деяниях жены своей в его отсутствие и в подтверждение своих слов открывает что обнаружил он под её ложем. Тогда заковали её и предав казни изъяли сердце из её груди и разъяли его натрое другим в назидание. Князь же женился заново и завершил свои дни на земле в мире и покое и тд. и тп.

Краткое примечание.

В своих комментариях Хуго Геринг указывает на то, что источником этого рассказа мог быть некий эпизод из "Деяний римлян" ("Gesta Romanorum", гл. 102). Также он считает, что Йоун Халльдорссон был знаком с ныне утраченным среднеанглийским вариантом этой же легенды о князе, неверной жене и магии, что явствует из наличия в исландском тексте английского термина "мэр", и некоторой путаницы при описании должностей: к примеру, князь (буквально "цезарь, царь") спрашивает правосудия у мэра!

В этой связи можно упомянуть здесь и о существовании подобной истории (но без найма колдуна, и с печальной концовкой) в "Истории франков" Григория, Епископа Турского, кн. VI, гл. 13.

Колдун, нанятый неверной женой, использует для попытки умерщвления князя древнейший приём запрещённой магии. Этот приём упоминает, например, в 8 веке в своих церковных законах англосаксонский архиепископ Эгберт (Ecgbyrht). В зависимости от степени тяжести причинённого вреда, наказанием там за подобные колдовские манипуляции служил либо принудительный трёхгодичный пост на хлебе и воде, либо же аналогичный семигодичный пост. В старинных русских руководствах по заговорной и вредительской магии XVI-XVIII вв. встречаются описания сходных приёмов волшбы.

Вода, также, является одним из довольно распространённых средств борьбы и обезвреживания вредоносного колдовства. (См. о том же — Дж. Толкин "Властелин Колец", том первый; "История Среднеземья, том 10.)

ЧАРО-ЛЕЙФИ / GALDRA-LEIFI /

(прислано преподобным Магнусом Гримссоном)

Жил человек по имени Торлейв. Он был сыном Торда. Торлейв родился на самом верхнем хуторе горного края Тунгур или Хреппар. Как-то, в первый год своей жизни, лежал он годовалым младенцем в колыбели, а рядом сидела его мать; тут вдруг входит к ним незнакомая юная девица и здоровается с последней. Просит она затем мать Торлейва помочь её матери, поскольку та лежит в родах и никак не может разрешиться от бремени. Получает она ответ, что нельзя мол оставить Торлейва без присмотра. На это, девица соглашается побыть с ним в её отсутствие. Следуя затем указаниям незнакомки спускается женщина к внешней границе, возделанного вокруг их хутора, поля и подходит к одному холму там; в нём же открыты были двери⁵⁸. Мать Торлейва входит внутрь и оказывается в том месте, где лежит некая женщина в родовых муках. Она её приветствует и тотчас делает всё, что необходимо в таких случаях. И омывши и спеленав новорожденного, возвращается она домой. Застаёт она там картину великого веселья: юная незнакомка забавляет лежащего в колыбели младенца, а тот смеётся ото всей души. И незамедлительно по возвращению матери Торлейва удалилась девица.

Вырос там Торлейв подле своей матери и начал он с очень ранней поры проявлять в себе незаурядные способности. Решили тогда люди, что должно быть это дар — следствие добрых пожеланий эльфы⁵⁹. Позже стал Торлейв скальдом и считали его крафта- или аквайда-скальдом (поэтом-магом). Полагали также, что занимается он волхованиями⁶⁰ и прозвали его потому Чаро-лейфи.

Краткое примечание.

Традиционно принято при комментировании подобных рассказов обращать внимание на "лейтмотив" о людской помощи эльфам при родах. Хотя ведь и сами эльфы весьма часто помогают смертным в подобных ситуациях, о чём множество свидетельств. Однако, наиболее интересным, на наш взгляд, является здесь упоминание того, что эльфы способны наделять понравившихся им людей особыми ("эльфийскими") дарами:

*...Время настало когда предначертано было, чтоб Артур (британский король) родился.
Как только он появился на свет, эльфы приняли его, они заговорили (bigolen) ребёнка
могучими чарами (galdere), они дали ему силу величайшего воина.
Во-вторых, они предначертали ему быть благородным королём.
Третье он получил от них — дар долгой жизни.
Они вручили ему, королевскому наследнику,*

⁵⁸ "открыты двери в холме..." — см. краткое примечание к "Истории о бедной девушке и Сокрытом Народе" выше.

⁵⁹ добрые пожелания эльфы — (исл.) *fyrrir-bænir álf-konu-nnað*, буквально "(добрые) пожелания (мольбы; проклятия) эльфо-женщины-этой".

⁶⁰ занимается волхованиями — (исл.) *fara meðgaldra*, буквально "ходить с магией (по соседям и пр.)". Сравни один из пунктов древнего церковного закона Исландии, который запрещает практиковать ворожбу и магию: *fara meðgaldra okfjölkyngi*.

*наиболее превосходные дары,
дабы он стал самым щедрым из всех живущих людей.*

Этим эльфы наделили его и, затем, этот ребёнок процветал...

Так написал в 13 веке, в своей поэме "Брут", английский священник Лайамон. Это стало одним из последних отголосков древней германской веры в то, что сразу после рождения к каждому ребёнку приходят "богини" судьбы норны (ср. греческое мойры), и предначертывают всю его будущую жизнь. В зависимости от того, норны какого именно рода пришли к новорожденному зависела его судьба:

"И эти (норны) из рода "богов", а другие эльфийского рода. Третьи же из семейства карликов-двергов. Т.е. некоторые норны из рода асов, некоторые эльфо-рода, а некоторые дочери Двалина." (Младшая Эдда, "Видение Гюльви")

"Много их и все они разные: некоторые из семейства асов, некоторые из семейства эльфов, некоторые дочери Двалина." ("Сага о Вёльсунгах", гл. 18).

Позже, в период упадка представления об образе истинных эльфов, их отделили от норн, и объявили и тех и других "злыми", определив их в пособники колдунам и тд. (См. "Сагу о Хрольве Жердинке", гл-вы 15, 47-48.)

В данном рассказе благодарные "добрые" эльфы (хотя уже не норны эльфо-рода) наделили Торлейва Тордарсона (Чаро-лейфи) одним из основных эльфийских даров — способностью к волшебному стихосложению, имеющему магическую силу заволакивать (очаровывать) слушателей, и талантами к белой магии: искусству постигать таинства чародейских знаков (galdra-stafir), резать руны (rúnir), разбираться в травах (grös), диво-камнях (náttúru-steinn), силой изгонять призраков, немертвых и тд. (См. об этом подробнее продолжение саги о Чаро-лейфи в сборнике Йоуна Арнасона.)

Таких как Чаро-лейфи поэтов, в Исландии, называли krafta-skáld(ами) или ákvæðaskáld(ами). Йоун Арнасон даёт им следующее определение:

"Те люди, которые всегда были на чеку, готовые выдать стихотворные "висы" экспромтом своей (от злых сил) защиты ради и, особенно те, что произносили слова, которые непременно сбывались (áhrins-orð) прозывались "скальдами силы" (krafta-skáld) или "поэтами провозглашающими грядущее, повелевающими чему должно сбыться" (ákvæðaskáld). [Их называли так,] ибо полагали, что настолько могучая чародейская сила (kynngi-kraftur) была присуща их стихам или были они настолько духовно сильны (and-ríkur), что ничто не могло им противостоять. Самый лучший пример тому — "Прядь о Торлейве Ярловом скальде" (Торлейве), который отомстил Хакону Языческому Ярлу за смерть своих товарищей и захват имущества, сочинив о Хаконе "нид" (позорящую поэму), возымевшую самые неблагоприятные последствия для Хакона." (См. ещё краткое примечание к рассказу "Юная эльфа по имени Има".) Также, "силовые скальды" обладали способностью, посредством своей поэзии, насыщать глубокий сон на врагов и так часто спасались они от близкой смерти. (См. например, "Сагу о Хёрде", гл. XVII и "Сагу об Одде-стреле", гл. XVI.) Здесь же уместно вспомнить эльфу Лютиэнз из книги Дж.Толкина "Сильмариллион", которая обладала подобными талантами. Об эльфах, наделяющих смертных особыми "духовными" дарами повествует и рассказ того же автора под названием "Кузнец из Большого Вуттона".

Ф.Нансен утверждает, что в известной ему версии исландской баллады про эльфов "Сон Катлы" (16 в.), ребёнок этой смертной Катлы, получивший имя от эльфа Ари (но не его сын), некий Ари Марссон, стал прославленным мореплавателем, ибо "унаследовал" вместе с эльфийским именем таланты и удачу моряка. (См. F.Nansen "In northern mists".)

Краткая версия рассказа о Чаро-Лейфи даётся также в книге К.Маурера (на нем. яз.)

В заключении, говоря о Чаро-Лейфи (Торлейве Тордарсоне), необходимо, конечно, упомянуть здесь самое громкое событие его жизни, — в 1611 г. вместе с другим "силовым поэтом" того времени Йоуном Гвюдмундссоном Учёным (наиболее, кстати, известным "специалистом" по Сокрытому Народу в средневековой Исландии), Торлейв посредством сочинённых ими магических рифм изгнал самого страшного за всю историю Исландии "немертвого" (draugur), который своими яростными нападениями запугал было целую область Стад (Поселение) в Снай-фьоле (Снежных Горах).

ВИЗИТ В ХОЛМ

/ HOL-GANGAN /

(прислано преподобным Магнусом Гримссоном)

О священнике Эйрике из Вогр-оса (1667-1716 гг.) существует довольно много саг и противоречивых рассказов. Из Сельвог, области священника Эйрика, присланы самые лучшие и наиболее примечательные истории о нём. Преподобный Магнус Гримссон также собрал немало саг об этом священнике "со слов и по записям Брюньольва Йоунссона, школьника из Хруни, со ссылками на то, что рассказывают об Эйрике жители Борга-фьорда. Эйрик был сведущ в мистериях древних⁶¹ и чародействе⁶². Часто входил он в холмы и, вообще, совершал множество необычных вещей. Он никому не повредил своим ведовством⁶³, хотя иногда и "подшучивал", особенно над теми, кто приставал к нему со своим любопытством, и навязывался к нему, непрошенный, в спутники. Обычно Эйрик исчезал со своего хутора каждый субботний вечер и возвращался не раньше воскресного утра. Никто не знал где проводил он всё это время."

Однажды попросил некий юноша позволения у священника Эйрика отправиться вместе с ним туда, куда уходил тот каждый субботний вечер. Эйрик долго отказывался и говорил, что не будет ему большой пользы от этого. Однако парень очень настаивал и наконец уступил священник и пообещал захватить его с собой как-нибудь. И вот, некоторое время спустя, отправляется он, как обычно, в путь и берёт юношу с собой. Погода тогда стояла тихая и ясная. Они пересекают возделанное, вокруг хутора, поле и подходят к одному холму там. Священник ударяет по нему тонким прутом спроти⁶⁴. В следствие чего холм открывается и выходит оттуда некая зрелая женщина. Она приветствует Эйрика как старого знакомого и приглашает его внутрь. За ней следом появляется незнакомая юная девица и зовёт священникова спутника также внутрь.

Все вместе входят они в холм и оказываются в просторной комнате. Сидело там по кругу множество народу на досчатом возвышении на полу. Сажает Эйрик юношу у самой двери, сам же помещается среди людей напротив. Кажется священникову спутнику весьма странным то, что молчат все там, словно воды в рот набрали и поэтому стоит внутри гробовая тишина.

Тут выходят прочь обе женщины, но вскоре возвращаются обратно, неся в руках нож и корыто. Затем направляются они к сидящему с самого края круга, на противоположной от парня стороне двери человеку. Подхватывают они его, кладут головой на корыто и режут беднягу в нём словно ягня. Покончивши с этим, хватают они его соседа, а вслед за ним всех остальных, по порядку, и повторяется с несчастными вновь вся ужасная процедура. Никто даже и не пытался сопротивляться, и притом не один не проронил не звука.

Странно, но незаметно было по Эйрику, чтоб он проявлял хоть какое-нибудь беспокойство по поводу происходящего, чего конечно нельзя было сказать о пришедшем с ним юноше. Видит он, что страшные эти женщины даже и не думают остановиться, пока всех там не перережут; и когда приходит очередь Эйрика, хватают они его и режут как прочих. Тогда возопил парень, вскочил на ноги, бросился опрометью к двери, и был таков. Побежал он затем домой на хутор со страшной вестью, и пятки его так и сверкали, а вокруг звенела весенняя исландская ночь.

Но когда, запыхавшись, приближается он к родному хутору, то вдруг видит, что стоит там священник Эйрик в дверях, опершись руками в верхнюю их перемычку. Улыбнулся он при виде парня и говорит: "Почему бежишь ты так стремительно, дорогой?" Парень и не знал

---

⁶¹ "сведущ в мистериях древних...." — (исл.) *forn ískapir* "знаток древнего знания или чародейства"

⁶² чародейство — (исл.) *fjöl-kunnigur*, буквально "много-знание". (Сравни исл. *marg-kunnigur* "многознающий".)

⁶³ ведовство — (исл.) *kunnátta*. (Подробнее см. комментарии к рассказам "Об одном князе" [ведьмовство] выше, и "Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ" [ведун] ниже.)

⁶⁴ *sproti* — "магический жезл для вхождения в холмы" (Подробнее см. краткое примечание к "Истории о бедной девушке и Сокрытом Народе..." выше.)

что на это ответить; ибо сейчас устыдился самое себя, потому как понял, что священник просто напросто об-морочил его.⁶⁵

Тогда Эйрик и говорит: "Я тут вдруг подумал, что наврядли, мой дорогой, пожелаешь ты когда-нибудь вновь подобное увидеть?!"

Краткое примечание.

В этом рассказе один из самых известных исландских магов (а их там было предостаточно!) Эйрик Магнуссон из Вогр-оса проучил некоего назойливого юношу при помощи наваждения (sjón-hverfing). Касательно самого наваждения: примечательно в нём здесь то, что как и в первой истории "О мастере Перусе" существа-иллюзии, возникающие на некоторое время по желанию мага, не произносят ни звука. Вероятно, именно здесь проходит "водораздел" между белыми оптическими обманами и чёрными иллюзиями "scin-cræft", scin-lac, scin-(ge)dwola, ge-dwimor) последние суть некромантия. (Сравни фантом Эйлинель, созданный волшбой сауруна, когда Эйлинель уже была мертва. Её призрак может голосом жаловаться своему мужу Горлиму. При помощи этого трюка вызова призрака умершей Эйлинель, некромант заманил в ловушку и захватил в плен скрывающегося воина Горлима. См. Дж.Толкин "Сильмариллион": "О Берене и Люттиэн" и "Балладу об освобождении из рабства" (Лэйтиан).) Или:

"(Самозванец) по имени Десидериус...обманывал людей иллюзиями некромантии... О том, что он был сведущ в злом искусстве некромантии было известно из следующего...ибо когда кто-нибудь говорил о нём что-нибудь плохое вдали от него и тайно, (Десидериус) бывало упрекал того прилюдно говоря: "ты сказал обо мне то-то и то-то, а не пристало говорить подобное о таком святом человеке как я." Ну как иначе мог бы (Десидериус) узнавать об этом, если не демоны были его соглядатами."

"История франков" Григория, Епископа Турского,
кн. IX, гл. 6

Возможно, англосаксонский термин для обозначения некромантии "ge-dwimor", изначально, также как и исл. sjón-hverfingar, имел двойное значение. На это намекает профессор Дж.Толкин в своей книге "Властелин Колец", том 2, где в одной из песен встречается следующее: "В Dwimor(-dene), то есть в эльфийской (зачарованной) стране Лориэн [буквально Долине Иллюзий]..." Толкин же употребляет в отношении совращённого тьмой мага-предателя Сарумана (одного из действующих лиц в его книге) прилагательное "dwimmer-crafty", т.е. "использующий иллюзии-фантомы для устрашения и подчинения других": "Саруман — колдун лукавый и dwimmer-crafty" ("Властелин Колец", том 2, гл. II). Вероятно, разница тут в механике создания иллюзий, и тех целях, которые преследует создающий эти иллюзии "многознающий". Белые оптические обманы нацелены на развлечение (например, исл. kukl фокусников, или эльфийские оживающие драмы), на спасение (ср. "Сагу о Хёрде", где описано как чародейка Скроппа пыталась путём наведения морока спасти себя и хозяйских дочерей от грабителей. Те видели вместо Скроппы и дочек ясеневые сундуки), или вспомним истории о Перусе. Наконец, священник Эйрик, в "Визите в холм" проучил назойливого "сую-нос-в-чужие-дела". Всё это — создание нематериальных иллюзий посредством внушения, гипноза (?), искусства слов и тд. Чёрные иллюзии творят через вызов и мучение душ умерших, "поднятие" мёртвых, пособничество злых духов (демонов), и делают это с целью запугать, терзать и тд., с тем, чтоб подчинить своей воле и заставить служить.

Описание того, как страшные женщины возвращаются, неся в руках нож и корыто, живо напоминает один эпизод из "Саги о Греттире":

"Торстейном Белым звали одного человека... У него была жена по имени Стейнвор...Считалось, что на дворе у них неладно — захаживают туда тролли... Около полуночи (гостивший там Греттир) услышал снаружи страшный шум и вслед за тем вошла в покои

---

⁶⁵ об-морочил — т.е. сотворил для него наваждение, морок (sjón-hverfing). Ср. морокун "колдун", укр. морочити "одурять, лишать сознания, забивать голову" и тд. См. также краткое примечание к истории первой "О мастере Перусе", и само содержание обеих, о нём, историй.

огромная великаниша. В одной руке она держала корыто, а в другой огромный нож. Войдя, она осмотрелась и, увидев (Греттира), бросилась на него..."

"Сага о Греттире", гл-вы LXIV-LXV, изд.
подготовили О.А.Смирницкая и М.И.Стеблин-Каменский

ГЕЙРМУНД ВЕРЗИЛА И ЭЛЬФ
/ HULDU-MADHUR-INN OG GEIRMUNDUR HAI /
(из книги-сборника свидетельств об истинности существования эльфо-народа,
составленного Олавом Свейнссоном с острова Пюрк-ей)

Когда был я осёдлым бондом⁶⁶ в Арна-стапи⁶⁷, однажды вечером под Новый год, треть или же четверть моих домашних и работников покинула хутор и вышла за ограду. Тут видят они, те что отправились прогуляться — вереница нагруженных лошадей спускается по полю вниз. Не удосужились они пересчитать сколько именно их там было; однако явно не меньше десятка, не учитывая трёх со всадниками: незнакомыми женщинами в сёдлах. Подъехали они со своим караваном к одному холму, который находится среди тамошних скал прямо над ущельем под названием Пумпа и исчезли все вместе, как показалось людям, внутри этого холма. Разумеется, был то Сокрытый Народ, переезжающий на зимние свои квартиры.

Заметил я когда жил в Арна-стапи и поблизости с Хелла, что Сокрытый Народ обитает там повсюду в холодных скалах, но не знаю я того, какой народ населяет остывающую горную породу или лавовые пустоши⁶⁸. Посему сошлюсь я в этом моём рассказе на то, что говорится в саге о Гейрмунде Верзиле; она же гласит:

"Тогда добрался я до большого лавового поля; в тот момент очутился я в скверном положении, потому как мои недруги шли за мной по пятам и расстояние между нами катастрофически сокращалось, того и гляди вот-вот меня настигнут. Стремглав бросился я по этому полю, они же — за мной следом. Натыкаюсь я вдруг на незнакомца облачённого в серую короткую куртку из грубой ткани. Обращается он ко мне со следующими словами: "Плохи твои дела Гейрмунд Верзила, ведь именно так можно сказать, когда враги твои настолько близко, а ты уж из сил совсем выбился. Но хочу я помочь тебе, если ты конечно не против?!" Едва мог я вымолвить хоть слово, ибо сильно запыхался, но всё ж ответил: "Это принял бы я с благодарностью!"

Совсем уж тогда приблизились мои враги и галдели изрядно. Тут вскинул незнакомец свою руку надо мной, затем взял меня самого за руку и повёл прочь от них. Посоветовал он мне теперь идти помедленей и наконец отдышаться "потому, как враги твои потеряли тебя из виду" — сказал он. Заметил я затем, что они и правда меня не видят, так как услышал их негодующие и разочарованные крики: "Что произошло с негодяем? Лава его поглотила что ли, ведь не видим мы его?!" Наблюдаю я далее, как они ищут меня и не могут найти. Через

---

⁶⁶ бонд — см. комментарий к свидетельству "Поздний визит эльфы"

⁶⁷ Олав Свейнссон жил в Арнар-стапи ("Орлиный горный шпиль") на Мысу Снежной Горы на западе Исландии до 1818 или 1819 года.

⁶⁸ лавовые пустоши — (исл. hlaun). Английский путешественник Генри Голланд в 1810 году так описывает исландские лавовые пустоши в своём дневнике:

"...Мы были восхищены, впервые увидев настоящую исландскую лавовую пустошь... Гигантская и хаотичная масса скальной породы, вздымающаяся над окружающей её местностью, но ввергнутая внутри себя в любое вообразимое разнообразие странных и обрывистых форм — вот общий вид представляющийся взору. Следуя по узкой и неровной тропинке через лавовую пустошь, мы наблюдали там многочисленные трещины, большие пещеры и глубокие впадины..."

"Исландский дневник Генри Голланда", 1810 г, т. I: Путешествие по округу "Гульдбринге".

"...Мы вышли довольно неожиданно к большому участку лавовой пустоши, занимающей впадину между более высокими горами и простирающуюся в западном направлении к долине... Эта лавовая пустошь имеет все причудливые особенности того, что мы уже видели ранее — дикое хаотичное сонмище скальных масс, распадающихся на всё вообразимое множество форм, местами напоминая в точности группы домов или фортификационные сооружения и тд. Наружная земная кора была везде полностью покрыта вулканическим шлаком и то и дело оказывалась искажённой самым необычным образом..."

Там же: Второе путешествие.

некоторое время убрались они с лавового поля восвояси. Тогда вновь обратился ко мне незнакомец: "Ну что ж, избавлен ты от своих врагов на сей раз и сейчас расстанемся мы."

Я сердечно поблагодарил его за помощь и спросил как его звать и где его дом. Он и отвечает: "Имя моё Кари, но не открою я тебе где мой дом." Заметил я тогда: "Может статься, что ты живёшь на этом лавовом поле?" — ибо я вообразил, что он разбойник. На это говорит он: "Не живут льювлинги⁶⁹ в остывающих скалах, скорее селятся там злые духи земли и наихудшие из нёмёртвых и напускают они на живых мороку⁷⁰".

Изчез он вслед за тем, я же некоторое время бродил по лавовому полю, до тех пор, пока совсем не утомился и не прилёг поспать."

Краткое примечание.

Это ещё одно из свидетельств того, как Сокрытый Народ помогает людям. Эльф Кари ясно даёт понять, что между добрыми эльфами-льювлингами и просто мёртвыми людьми — гигантская разница. Таким образом, рассказ этот весомое доказательство абсурдности утверждения некоторых исследователей о том, что эльфы якобы суть умершие люди. (Подробнее об этом же см. комментарий к рассказу "Юная эльфа по имени Има".)

В тексте упомянуты ещё (злые) духи земли (исл. *illar land-vættir*). Обычно, в древнескандинавской традиции, *land-vættur* — это дух-покровитель какого-либо края, который может принимать любой облик. Обладает силой изгонять из своих земель неугодных ему смертных. Что-то наподобии нашего лешего, полевого и тд. Существуют как добрые, так и злые *land-vættir*. (См. также определение *land-vættur* данное в "Церковных законах Гула-тинга".)

Здесь же уместно привести цитату из рукописи исландца Йоуна Гвюдмундссона Учёного (16-17вв.) о трёх различных родах эльфов:

"Сказано ещё в "Одураченьи Гюльви" о том, что карлики-дверги зародились во плоти (мёртвого гиганта) Юмира, и в самой земле, и обитают там некоторые из них, а другие в камнях. То же можно сказать и об эльфах, что живут они в скалах и в холмах... Люди полагают также, что эльфы — это народ подразделяющийся на три рода, или имеющий три основных места обитания. Одно — в море. Второе — внутри земли или под землёй, которое люди называют "Эльфо-мир", а иногда подземный мир, что многие наши истории поясняют. И люди видят, что этот род не имеет носового хряща между ноздрями. Живут же они пол обычного нашего срока (на земле). Третий род, который мы называем Сокрытым Народом или льювлингами также населяет холмы и скалы; и часто сочитались они с нашим родом. Этот эльфийский род живёт дольше, отличается красотой, и имеет правильную форму, как у нас."

Из рукописи Йоуна Гвюдмундссона Учёного "Собрание сведений и фактов для лучшего понимания Эдды", 1641. Цитируется по изданию "Einar G. Petursson Eddurit Jo ns Guðmundssonar Lærða", bd.II, bls 37

Желая помочь, льювлинг Кари создаёт над Гейрмундом Верзилой так называемый "шлем невидимости" (*huliðs-hjálmur*), т.е. он делает человека невидимым для его преследователей. Это очень древний магический способ обмана зрения, известный среди всех германских (скандинавских) племён. К сожалению, только в древнеисландской литературе сохранилось былое спокойное отношение к сей чародейской процедуре. В поэзии англосаксов и континентальных саксов "*heolod-helm*" (шлем невидимости) ассоциируется исключительно с врагом рода человеческого. Так, к примеру, в аллегорической англосаксонской поэме о чудовищном ките ("*Fastitocalon*"), который сначала представляется мореходам островом, а после их высадки на него, идёт с ними на дно, проводится аналогия с людьми, коих нечистый (словно этот кит) заманивает к себе земными соблазнами, а затем "сокрытый шлемом невидимости ... он увлекает их в преисподнюю ... точно огромный кит, что топит моряков с их "жеребцами волны" (т.е. кораблями)." [С перевода на современ. английский С.Брэдли.]

⁶⁹ льювлинги — специальный термин для обозначения Светлых Эльфов. См. комментарий к моему переводу "Сонные чары льювлинга".

⁷⁰ морок (*sjón-hverfing*) — см. комментарий к моему переводу "О мастере Перусе и его проделках."

(Примеры из саксонской поэзии см. в моих комментариях к рассказу "Московский викинг Ингорь Олегов".) [СМ ИНГОРЬ]

Совсем по другому обстоит дело в древнеисландской литературе — шлемом невидимости там, с помощью чародеев, пользуются обычные люди, чтоб спастись от преследования, мести, расправы и т.д. (См. к примеру, "Сагу о Боси и Херрауде", "Сагу о побратимах" или "Сагу о Торстейне Погибели Хуторов". Некоторое исключение — история о колдуне Эйвинде Источнике из "Саги об Олаве Трюггвасоне".)

Из "Саги о побратимах":

"Чародейка Грима "вскинула" (bregða yfir) шлем невидимости над Тормодом с тем, чтоб (преследователи) не могли его видеть." (версия А)

"Вскинула (bregða yfir) Грима свои руки над головой Тормоды с тем, чтоб преследователи его не заметили." (версия Б)

Одно из самых поздних (уже деградированных) представлений о шлеме невидимости можно найти в безымянной исландской рукописи о магии (16-17вв.), переведённой и изданной С.Флауэрсом под названием "The Galdrabok". В ней дан "рецепт" того, как самому сделать себе "huliðs-hjálmur". Древний термин "шлем невидимости" выжил также в названии одного из диво-камней, т.е. "hulin-hjálms-steinn". (См. комментарий к второй истории о Перусе.)

Из исландского сборника "Саги людей прошлого", том 3:

САГА О ТОРСТЕЙНЕ ПОГИБЕЛИ ХУТОВ

/ SAGA AF THORSTEINI VÆJAR-MAGNI /

(XV век)

В то время когда ярл Хакон Сигурдарсон правил Норвегией, жил там в долине Гаулар-даль бонд по имени Брюньольв по прозвищу Верблюд. Был он лэндрманом и свирепым воином. Жену его звали Дагню. Она была дочерью Железной Бороды из Юрьар (в Норвегии). Их сын Торстейн вырос крупным и сильным, и всегда проявлял исключительное упрямство и неуступчивость с любым противоречащим ему, не взирая ни на что. Не было равного ему по росту во всей Норвегии, и едва ли существовали там подходящие для него двери в которые он мог бы протиснуться. И поскольку казалось из-за этого, что проламывал он входы большинства домов, прозвали его люди Погибелью Хуторов. Он был грубым человеком с тяжёлым характером, посему приобрёл ему отец поскорее корабль и дал людей для путешествий. Участвовал Торстейн затем по очереди то в набегах ради добычи, то в торговых походах и преуспел во всём.

В то время пришёл к власти в Норвегии конунг Олав Трюгвассон, ибо перерезал горло ярлу Хакону собственный его раб по имени Тормод Крюк. Стал тогда Торстейн дружинником конунга Олава и тот считал его доблестным мужем и ценил его весьма высоко, однако другие дружинники не ладили с Торстейном, говоря, что он слишком угрюм и своеволен. Обычно конунг часто посылал его на те поручениями, коих прочие избегали, и время от времени пускался он в торговые поездки с целью добыть конунгу различные драгоценности.

Однажды стояло судно Торстейна на якоре к востоку от Бала-гардс-сида (в водах Балтики?), и не было тогда попутного ветра. Высаживается он на сушу как-то по утру. Когда же сияло солнце в небесах на юго-востоке приходит Торстейн к какой-то поляне в лесу; прекрасный холм возвышался на ней. Тут видит он некоего коротко остриженного мальчика стоящего на холме. Не заметив Торстейна тот и говорит:

— Мать моя, — просит он, — подай ты мне мой посох-клюку и плетённые шерстяные рукавицы, потому как хочу я отправиться в колдовской полёт, ибо затевается сейчас пиршество в подземном мире.

За сим вылетел из холма посох-клюка похожий на кочергу. Оседлал малец его, натягивает рукавицы и...

Краткое примечание

В начале этой саги встречаются два интересных термина. Первый — это специфическое викингское выражение для счёта времени: «[когда Торстейн пришёл к поляне] солнце сияло на юго-востоке». По современному счёту это было 9 часов утра.

«Поскольку время суток подсчитывали исходя из позиции солнца на небе некоторые часы варьировались по сезонам до разницы в один час. Хотя полдень и полночь всегда оставались неизменными. Итак, «солнце на севере» означало 12 часов ночи, «на северо-востоке» — 3 часа утра, «на востоке» — 6 часов утра, «на юго-востоке» — 9 часов утра, «на юге» — полдень, «на юго-западе» — 3 часа пополудни, «на западе» — 6 часов вечера, «на северо-западе» — 9 часов вечера».

E.V. Gordon, «An Introduction to Old Norse», p.211.

Второй интересный термин, который встречается в этом тексте — *gand-reid*, колдовской полёт, или, более точно, — «полёт на [колдовском] посохе» (*gandr*). Предположительно, впервые термин *gandr* встречается в рунической надписи V (?) века как *(wi)gand(ir)* «не подверженный (неподдающийся) колдовству»⁷¹. Исходное значение термина *gandr* утеряно и неопределённо, хотя он встречается в составе некоторых имеющих отношение к магии выражений в нескольких древнеисландских поэмах и сагах. Но, к сожалению, там этот термин имеет несколько «аллегорическое» значение (см. например, «Сага о побратимах» или «Прорицание вёльвы» 22, 29). Наиболее же вероятное значение *gandr*'а как «колдовской, магический посох» подтверждает профессор Толкин в своём примечании касательно имени «Гэнд-альф» (точнее — «Ганд-альв», *Gand-álfr*). Он пишет, что истинное значение этого имени — «эльфийское (чародейское) существо с магическим жезлом». Таким образом, *gand-reid* можно перевести как «полёт (поездка) на магическом жезле».

Краткое описание этого эпизода саги встречается в исландской рукописи XVII века:

Отмечено в «Саге о Торстейне Погибели Хуторов», что парнишке-львовлину нужны были специальные предметы для того, чтобы отправиться в Подземный Мир (*Undir heimar*), а именно: посох и рукавицы или перчатки, чтоб не имела над ним власти водная стихия, и чтоб никто не увидел его. Торстейн поспешил за ним в реку. И кажется ему, словно он бредёт в дыму, ибо он имел такой же посох и рукавицы. Спускаются они туда, где река низвергалась вниз из ущелья. Вот тут и были доказаны слова древней пророчицы (вёльвы), которая давно вещала что: «Девять помню я миров, у девяти корней могучего Древесного Мерила под землёй» (песнь «Прорицание вёльвы» в Старшей Эдде), поскольку там [куда спустились Торстейн и парнишка-львовлинг] были зелёные поля и мягкая прекрасная трава, растущая повсюду в изобилии.

Из рукописи «*Tíð fordríf*», написанной Йоуном Гвюдмундссоном Учёным в 1644 году.

В сборнике И.Арнасона есть несколько более поздних исландских историй, где встречается термин *gand-geið*, но там он уже почти полностью утратил своё исходное значение полёта на колдовском посохе⁷². Весьма интересные соображения относительно нескольких значений термина *gandr* можно найти в книге норвежского профессора Магнуса Ульсена⁷³.

Восточный Путь — исл. *Austrvegr* — в «Королевских сагах», «Сагах о древних временах» и «Рыцарских сагах» этот термин означает лежащие на востоке земли: Русь, земли вендов, восточную Балтику.

Из сборника "Исландские легенды и предания", составленного Йоуном Арнасоном: ГВЮДБЪЯРТ ЛОХМАТЫЙ И ХОЛАРСКИЙ ЕПИСКОП

⁷¹ См. Э.А. Макаев. Язык древнейших рунических надписей. Стр.105, 141; M. Olseri. Þættir um líf og ljóð P.65, 69.

⁷² См., напр., переводы сказок «Аульва Ульвхильдур» и «Хиль-дур — королева аульвов» в кн.: Скандинавские сказки. М., 1982.

⁷³ M. Olsen. Þættir um líf og ljóð.

/ GUDHBJARTUR FLOKI OG HOLA-BISKUP /
(По рукописи священника Скюли Гизлассона с Большого Пика)

Священник Гвюдбьярт из Лофаса слыл наилучшим ведуном⁷⁴ Исландии 15 века, однако не вредил он никому своим ведовством, ибо был очень добрым человеком. Но всё же из-за слухов о его занятиях магией ополчился на него епископ из Холара, и решил лишить Гвюдбьярта сана. Отправился он из дому, с этой целью, вместе с несколькими священниками и служками. И как только отошли они недалеко от дома потеряли они дорогу и совсем перестали узнавать местность, по которой шли. И длилось всё это покуда не вернулись они назад в Холар и не взошли обратно в общую комнату.

В другой раз собрался наш епископ в путь, да забрёл со всеми своими людьми на север, на пустошь Хьяльта-дальс-хейди. Закружила их там внезапно поднявшаяся метель мешая идти вперёд встречным ветром и снегом застывающим скользким настом. Всё вокруг тогда было молочно-белым. Вдруг свело животы всем им кто там был так, что пришлось немедленно облегчиться, но когда собрались они подняться, то не смогли. Вскоре совсем они заоченели и не видят, наконец, никакого иного выхода, чем [⁷⁵аð heitáthvi fyrir til lausnar чтоб] повернуть домой. Не обошлось без того, чтоб люди не стали высмеивать эти путешествия епископа, но никогда не делал этого священник Гвюдбьярт. Говорил он, что думает, что не найдёт епископ дороги к нему, ибо не нуждался он для того в столь многочисленной свите.

Спустя какое-то время приключилось епископу быть с ещё одним человеком на севере в Эйа-фьордах. Решили они заглянуть в тот же раз (благо было по пути) к священнику Гвюдбьярту. Добрались они до церквушки в Лофасе быстро и случилось так, что никого не было снаружи. Заходит епископ тотчас в общую комнату. Видит он, что священник сидит за столом подперши рукой щёку, а перед ним развёрнута книга. Ухватил епископ эту книгу, однако как он её ни вертел — не увидел в ней ничего кроме чистых неисписанных страниц. Епископ спрашивает священника для чего ему эта книга. Тот отвечает, что держит её для проповедей.

— Ты, я думаю, хранишь её для службы нечистому, — обличает его епископ гневно.

Но едва слетело сие с его губ, видит он бездну с тёмно-синим пламенем, а сам он стоит на самом её краю. И чёрная рука хватает полу его накидки и собирается стащить его в огонь. Заголосил тогда епископ и взмолился:

— Бога ради, помоги мне, господин священник!

Протянул ему Гвюдбьярт руку и сказал: "нечистый! Изыди от него!"

Стало затем опять всё по-прежнему. Тогда молвил священник:

— Неудивительно, что недруг рода человеческого всегда оказывается поблизости с теми, у кого его имя на устах, и с теми, кто не желает мира Господнего тому дому, в который они приходят. Не в привычке у меня так поступать, хоть и обвиняешь ты меня в том, что я оставил истинную веру.

Смягчился на это епископ несколько в речах, и разговаривали они затем вдвоём долго. После расстались они друзьями; говорил епископ, что желает всем быть столь же богобоязненными как Гвюдбьярт. Никогда не пользовался священник более своим ведовством.

Торкелем звали сына священника Гвюдбьярта. Он написал первую книгу рун "Серая Кожа", которая стала источником всего колдовства⁷⁶ последующих веков. Эта книга хранилась долгое время в школе при кафедральном соборе Холара, и выучили некоторые из воспитанников кое-что из неё; главным образом первую её часть, которая была написана обычным алфавитом. Она не служила пособием по заклинательной магии⁷⁷ или

---

⁷⁴ ведун — (исл.), буквально "знающий человек", от "знание, опытность, сноровка".

⁷⁵ колдовство — (исл.) fjöl-kyn(n)gi от kyngi "знание" (Ср. глагол kunna "знать") и приставки fjöl— "много", т.е. буквально "много-знание".

⁷⁶
⁷⁷ заклинательная магия — (исл.) galdur от глагола gala "петь, заклинать". (См. также краткое примечание к "Древним законам Норвегии" ниже.)

экзорцизмам⁷⁸, но посвящала лишь в секреты безвредного волшебства, как то: борцовой магии⁷⁹, хиромантии⁸⁰ и прочего в том же духе. Потому могли эти воспитанники достичь царства небесного, хоть и выучили они первую часть. Вторая же, более длинная часть, была наоборот написана запутанными рунами⁸¹, которые мало кто смог постичь, и конечно, её чтение было запрещено им учителями. Там внутри содержалось сильнейшее колдовство и стали подлецами и бедолагами все те, кто по ней упражнялся.

Краткое примечание.

Церквушка в местечке Лофас (в Исландии) напрямую связана с известной, так называемой, Лофаской копией "Младшей Эдды", которая несколько отличается от остальных, похожих между собой, копий. Говорят, что в этой церквушке долго хранилась собранная в 15 веке Торкелем, сыном Гвюдбьярта Лохматого, весьма примечательная коллекция книг. Она состояла из латинских и немецких книг по естествознанию, житий святых, рукописей по астрономии, алхимии, травников и т.д. В 17 веке священником в Лофасе был один из самых известных учёных людей Исландии — Магнус Олавссон, который был, к примеру, автором первого исландского словаря, составленного в алфавитном порядке и т.д.

В своих трениях с вышестоящей церковной властью священник Гвюдбьярт пользуется различными видами магии. Вероятно, в первом случае производимые им действия были сходны с приёмом, к которому прибег некий Сван из "Саги о Ньяле":

"Сван взял козью шкуру, обвязал себе ею голову и сказал:

— Встань, туман, нагрень, слепота и мороза, на всех, кто... (идёт сюда с дурными намереньями)"

гл. XII, перевод С.Д.Кацнельсона

Довольно-таки вредная магия использованная Гвюдбьяртом во второй раз, отражена в нескольких сохранившихся колдовских "рецептах" под заглавиями: "Как проучить человека таким образом, чтоб он не смог усваивать пищу в течении всего дня" и "Руны, вызывающие непрерывное испускание ветров". Также, известен способ "Чтоб помешать нежеланному гостю попасть в ваш дом".

О невидимых буквах на кажущихся неисписанными страницах см. рассказ "Юная эльфа по имени Има" (в самом тексте). Эта идея взята из рукописи *Tíðfordrif*, написанной Йоуном Гвюдмундссоном Учёным в 1644 году, по просьбе Скальхольтского епископа Брюньольва Свейнссона. Того самого Брюньольва, что нашёл рукопись прославленной "Старшей Эдды".

В последнем эпизоде Гвюдбьярт наказывает Холарского епископа за злые слова созданием для него иллюзии (*sjón-hverfing*).

Торкелю, сыну Гвюдбьярта, приписывается в этом рассказе создание магической книги "Серая Кожа" (*Grá-skinna*). Её название живо напоминает названия двух известнейших

---

⁷⁸ экзорцизм — (позднеисл.) *særing* от глагола *særa* "заклинать, экзорцировать". Йоун Арнасон даёт следующее определение этого термина:

"Помимо рун, чародейских знаков (galdra-stafir) и заговоров (forma lar), люди верили в действенность særingar (экзорцизмов) ... и монотонно бормотали или зачитывали их вслух для защиты от слуг нечистого и злых духов, всех видов волибы (galdur) и вредительских посылов (sendingar), призраков и дурных людей, гнева и воровства... Несколько позже эти særingar (экзорцизмы) уже не считали магией (galdur), а скорее лишь верной защитой супротив вредительской магии (galdur) ... и конечно же, в (экзорцизмах) много раз призывают на помощь Троицу, святых и ангелов. Сие чередуется там со страшнейшими оскорблениями и проклятиями нечистому и его присным. Большинство særingar (экзорцизмов) были либо целиком в форме песни (ljód), или проза шла в них вперемешку с песней. Очень редко særingar (экзорцизмы) сочинялись только прозой."

Самый могучий экзорцизм такого рода (в форме песни) под названием "Отпугнуть злого духа" (*fjanda-fæla*) был сочинён в 1611-1612 годах Йоуном Гвюдмундссоном Учёным. (См. краткое примечание к рассказу "Чаро-Лейфи").

⁷⁹ борцовая магия — (исл.) *gli mu-galdur*

⁸⁰ хиромантия или "руководствование" — (исл.) *lófa-list*

⁸¹ запутанные руны — (исл.) *villu-rúnir* "сбивающие с толку руны, т.е. зашифрованные руны, созданные для того, чтоб путать, и скрывать своё истинное значение." (С.Флауэрс "The Galdrabok")

Другими словами, *villu-rúnir* — это особая руническая система, где большинство, или каждый обычный рунический знак (намеренно) не совпадает с традиционным его прочтением.

сборников древнеисландских саг — Fagr-skinna "Красивая кожа" и Morkin-skinna "Гнилая кожа". (В обоих случаях речь идёт об обложках.)

Исландские саги сохранили предания о двух основных чародейских книгах острова. Кроме уже упомянутой и описанной "Серой Кожи", состоящей из двух частей про белую и чёрную магию, рассказывают ещё о "Красной Коже" (Rauð-skinna) — зловещей книге, обучающей некромантии, которую сочинил в 15 веке самый мрачный колдун Исландии, епископ Готтскальк Никлассон Жестокий. Считается, что она написана позолоченными рунами на красном пергаменте (откуда и произошло её название).

Некие (возможно сродни упомянутому?) оккультные книги (fjölkyngis-bækur) появляются в эпизоде одной из (переводных с латыни) древнеисландских "Апостольских саг" — "Сага об апостоле Якобе":

"Затем взял маг Гермоген посох апостола Якоба и отправился безбоязненно к себе домой. Собрал он там, и нагрузил себе и своим ученикам на спины, сундуки набитые колдовскими книгами (fjölkyngisbækur) и бросил их наземь у ног Якоба и возжелал сжечь их в огне..."

"Сага об апостоле Якобе I"

САГА О ЙОУНЕ СИЛЬНОМ / SAGAN AF JONI STERKA /

(начало "Саги о Йоуне Сильном" жителей Эй-фьорда из коллекции Йоуна Арнасона, том I, стр. 323-24)

Был как-то в Исландии человек по имени Йоун. Он жил на востоке Эйрар-бакки вместе со своей матушкой. Этот Йоун прославился как редкостный силач.

Каждую весну приплывал в их края один торговец, сбывал летом свои товары, и отбывал осенью восвояси. Случилось однажды Йоуну быть поблизости, когда вновь приплыл торговец и собирался выгружать на берег своё добро — бочки с мукой. Увидя Йоуна он взял две полных бочки, связал их вместе и сказал, что отдаст их задаром, если Йоун донесёт их до своего дома. Тогда забросил наш силач обе бочки себе на плечи и играючи снёс их к себе. Видит торговец что придётся с этим смириться, но понятно, что потеря бочек пришлась ему весьма не по вкусу. Спустя какое-то время встречается он Йоуна и говорит ему:

— Следующим летом подвергну я тебя испытанию посерьёзней — привезу я паренька, с которым ты померяешься силою.

Йоун отвечает, что ему, мол, всё равно, хотя согласен он бороться с обычным человеком⁸², но не собирается, говорит, выходить супротив троллей⁸³ или негров⁸⁴. На том они и расстались; уплыл торговец прочь.

Прибывает он, как обычно, следующей весной. Находит затем Йоуна и уведомляет того, что пришло время для поединка с одним молодцем, коего он привёз издалека. Йоун соглашается с великой неохотой, "ибо дурные предчувствия гнетут меня относительно этого противника." Отправляется он к себе и подготавливается к схватке следующим образом:

---

⁸² Обычный человек (mennskur maður) — "человеческое существо, смертный человек". Таким термином древние германцы особо обозначали обычных людей (т.е. себя и своих соседей — кельтские, финно-угорские, романские, греческие и славянские народы), обособляясь как от светлых "сверхестественных" племён (асов, ваниров, эльфов), так, главным образом, и от сил мирового зла, которые выступают в конце мира против асов, людей и др. с целью разрушить существующее мироздание и погрузить всё в хаос. Полу-эльфы и полу-тролли (hálf-tröll, blindingar) уже не относились к mennskir menn.

⁸³ тролли (исл. tröll) — Северные великаны-тролли были крайне безобразны. Появлялись они на земле ночью. Глаза их во тьме горели вечной яростью и злобой на угрюмых, цвета лыка с пеплом, лицах. На рассвете, под солнечным светом они, если не успевали укрыться под землю, превращались в скалы. Исландия изобилует такими скалами, название коих указывает на происхождение их из окаменевших троллей. Скандинавы чётко отличали великанов-троллей от других разновидностей великанов и гигантов: турсов, йотунов, скальных-жителей, "рисар", сыновей Муспелля и др... Позже, троллями стали называть демонов.

⁸⁴ негры (исл. blá-menn) — буквально, "иссиня-чёрные люди": "1) эфиопы, негры; 2) чёрные демоны, черти". (См. Дж.Толкин "Sigelwara land", I, стр. 192, примечание 2, Medium Ævum.) Возможно второе значение blá-menn имеется в виду в главе первой "Круга Земного"(?): "В Большой Швеции ... множество разных народов и языков; (там есть) великаны и карлики, и blá-menn..."

прилаживает он один кусок войлока себе на спину, а другой на грудь, и обворачивает свои руки пеньковым канатом так, чтоб нельзя было его самого с лёгкостью стиснуть. Затем набрасывает он поверх себя широкий плащ. После, идёт Йоун туда, где торговец выбрал площадку для борьбы и воздвиг там уже большую каменную плиту с острым краем.

Тут видит Йоун, что четверо моряков ведут на берег негра, и был тот ужасен — тучен как бык и чёрен словно Хель⁸⁵. Как только подошли они поближе — тотчас спустили своего питомца. Бросился тот словно разъярённый тролль на нашего Йоуна. Схватились они не на шутку. Чувствует Йоун что недостаёт ему сил против негра. Тогда не остаётся ему ничего другого, кроме как сначала только лишь обороняться. Длится это до тех пор, покуда не выдохся чудовище-негр — ни вывесил язык, и не изошёл пеной. Затем гонит его Йоун к плите, а приблизившись к ней, прыгает через неё, и ударяет негра о плиту с такой силой, что разлетается на куски грудь монстра, да так, что издох он там.

Невероятно разозлился торговец на это, ибо с трудом добыл он своего негра, и возлагал на него большие надежды. Говорит он Йоуну:

— Ну, либо ты добудешь для меня самую наиучёнейшую книгу⁸⁶, какая только существует на свете, или же погублю я тебя!

Йоун отвечает что не боится его угроз. На том расстаются они, и осенью торговец убирается восвояси...

Из сборника "Исландские легенды и предания", составленного Йоуном Арнасоном:

ГЕЙРМУНД КОЖА-КАК-У-ХЕЛЬ

/ GEIRMUNDUR HELJAR-SKINN /

(том II, стр. 84)

Его считают самым благородным из числа первых исландских поселенцев. Неподалёку от ущелья Скард на побережье Скардс-стронд есть очень глубокий источник имя которому Андар-кельда⁸⁷. Говорят, что там Гейрмунд спрятал большое богатство⁸⁸. Множество историй связанных с этим рассказывали в последующие века о том, как пытались достать то богатство. Но, как водится, все усилия оказались тщетны. Кроме того, ходят слухи, что Гейрмунд спрятал свой пояс и нож на вершине скалы Дранг⁸⁹ между Скард и Графа, но скала эта представляет собой настолько крутой горный шпиль, что едва ли возможно человеку туда забраться, чтоб достать эти драгоценные вещи.

Священник Фридрик пишет в описании своего прихода о том, что жена Гейрмунда Хердис⁹⁰ похоронена под Иллтуркудис в Скарде и в честь неё названо ущелье Харисар-гиль⁹¹, что рядом с Иллвита, между Бармс и долиной Хварвс-даль. Люди говорят, что Хердис укрывала богатство в Харисар-гиле именно, как её муж Гейрмунд в Андар-кельда.

Краткое примечание.

---

⁸⁵ По представлениям германцев и скандинавов Хель — повелительница поземного мира, в котором находились чертоги умерших от старости и болезней людей. Подробнее см. краткое примечание к "Гейрмунду Кожа-как-у-Хель" ниже.

⁸⁶ наиучёнейшая книга (исл. *vísinda bók*) буквально, "книга знаний". В исландском это выражение имеет (как и всё, что касается глубокого знания) магический оттенок. Сравни *vísinda-kona* — "пророчица, прорицательница":

"Гвюдрид и говорит:

— Я не ворожея (*fjöl-kunnigr*) и не прорицательница (*vísinda-kona*) хотя ... моя приёмная мать научила меня песне призывающей духов (*varð-lokur*)...

Затем подходили все к прорицательнице (*vísinda-kona*) ... и спрашивали у неё то, что им было наиболее любопытно знать."

("Сага о Торфинне Карлсефни" или по-другому "Сага об Эйрике Рыжем")

vísinda-maður "прорицатель"; в современном исландском это — "школяр, научный работник".

⁸⁷ Кельда (*kelda*) — "источник или яма со стоячей водой в болотистой почве". Андар-кельда — "Утиный источник".

⁸⁸ См. "Ланднама-бок", часть II, гл. 20, стр. 125. (Примечание Йона Арнасона.)

⁸⁹ Дранг (*drangr*) — "одинокостоящая скала. Исландцы говорят про скалы такого типа, что это ночные тролли обратившиеся в камень на рассвете."

⁹⁰ Хердис — в "Ланднама-бок" её зовут Херрид, но Хердис в "Мела-бок". (Примечание Йона Арнасона.)

⁹¹ Харисар-гиль (*gil*) — "ущелье с потоком на дне".

Гейрмунд Кожа-как-у-Хель был весьма примечательным персонажем в истории и легендах Исландии. Вот ещё несколько историй о нём, взятых из разных источников, которые повествуют о его рождении, поясняют происхождение его прозвища и тд:

"Конунг Хьёр совершил набег на землю бьярмов (пермяков), и там он захватил, в числе прочего, дочь конунга бьярмов Льювинэ. Она оставалась в его владениях в Рогаланде, когда сам Хьёр снова отправился в поход. Тогда же, она родила ему двух сыновей. Одного назвали Гейрмунд, а другого Хамунд. Они были весьма темнокожи. В то же время родился у её рабыни сын. Ему дали имя Лейв, и его отцом был раб по-прозвищу Лод-хатт ("Лохматая Шляпа"). Лейв был белокож. Вследствии чего, королева Льювинэ подменила собственного ребёнка сыном рабыни и назвала Лейва своим сыном. Однако, когда конунг вернулся домой — невзлюбил он Лейва и сказал, что тот настоящий заморыш. В следующий раз, когда конунг отбыл в викингский поход, королева зазвала к себе в гости скальда Браги и попросила его поделиться своими мыслями об этих детях — им тогда исполнилось три зимы. Она заперла их в зале вместе с Браги, а сама укрылась на досчатом возвышении для женицин. Браги сказал следующее:

*Двое тут со мной под крышей — доверяю им обоим,
Хамунду и Гейрмунду — детям Хьёра конунга!
Третий, Лейв Лод-хаттар-сон,
Отпрыск он рабыни; раб — муж наихудший!*

С этими словами Браги ударил прутom по тому досчатому возвышению, на котором притаилась королева. Когда же конунг вернулся домой, она рассказала ему обо всём, и показала ему настоящих его сыновей. Он заметил, что никогда прежде не видал ещё такой Кожи-как-у-Хель⁹², — и это прозвище навсегда осталось с обоими братьями.

Гейрмунд Кожа-как-у-Хель был конунгом многих дружин. Он ходил викингом на запад, а владения его были в Рогаланде. Но когда он вернулся наконец из набегов на дальние края ... конунг Харальд Прекрасноволосый одержал победу в битве в Хавра-фьорде, а затем покорил весь Рогаланд и изгнал оттуда многих знатных людей из их наследных земель... Тогда Гейрмунд ... принял решение отправиться на поиски Исландии ... Он вошёл (там) в Брейда-фьорд ("Широкий фьорд") и поставил свои корабли у Элида-острова ... Он жил в Гейрмундовом поселении (Geirmundar-staðir) неподалёку от ущелья Скард... Когда Гейрмунд рассказывал промеж своих [находящихся вдали друг от друга] четырёх хуторов — всегда сопровождало его восемь десятков человек. У него было очень много денег и несметное количество домашнего скота... Мудрые люди говорят, что он был самым благородным из числа первых исландских поселенцев. Однако он почти не конфликтовал здесь с другими, ибо приплыл сюда уже довольно старым... Гейрмунд спрятал большое богатство в Андар-кельда (см. выше), который неподалёку от ущелья Скард... Гейрмунд почил в Гейрмундовом поселении и был он похоронен в корабле в лесу неподалёку от его двора."

Из "Книги о заселении Исландии", часть II, гл. 17.

Когда "скальд силы" и лучший знаток Сокрытого Народа Йоун Гвюдмундссон Учёный жил в 1610 году на Островах Олава, что в Широком фьорде, неподалёку от ущелья Скард, на северо-западе Исландии, "Йоун прекратил там посмертные визиты Гейрмунда Кожа-как-у-Хель (aftur-ganga). Так что, в соответствии с этим, люди с побережья Скардс-стронд, в первую декаду семнадцатого века, прекрасно помнили о первых тамошних поселенцах. В рукописи "О (моём) происхождении и роде" Йоун Учёный пишет также о злом заклятье (álög), наложенном на Гейрмунда, "что никогда не умрёт сей муж от раны, нанесённой железом, в Скарде, покуда не извлекут его сундук с сокровищами из Андар-кельда и тд."

Из "Эддических писаний Йоуна Гвюдмундссона Учёного", том I, введение, стр 65. Изд. и коммент. — Эйнар Г. Пьетурссон

---

⁹² Хель — "дочь (зловредного) Локи...(ас) Один низверг её в Нифль-хейм (подземный мир) и поставил её владеть девятью мирами, дабы она давала приют ... всем ... а это люди умершие...Хель наполовину (иссиня-) чёрная, а наполовину — цвета мяса."

"Младшая Эдда", перевод О. А. Смирницкой; дополнения в скобках мои.

Другими словами, жители тех мест, где был похоронен Гейрмунд Кожа-как-у-Хель считали, что нет ему покоя в могиле, т.е. оттого, что он был похоронен как язычник и был обременён спрятанным кладом и проклятием, Гейрмунд после смерти превратился в немертвого (draugur) и наносил ночами ущерб людям и скоту. Исландские "немертвые-друзи" отличались от континентальных призраков тем, что были "материальны". Во времена викингов их побеждали физической силой или смекалкой. (См. "Сагу о людях из Лососьей Долины", "Сагу о людях с Песчаного Берега", "Сагу о Греттире".) Позже "друзей" изгоняли магическими поэмами (ср. særingar из комментариев к рассказу "Гвюдбьярт Лохматый и Холарский епископ"), чародейскими фигурами (galdra-stafir), особыми травами (grös), и диво-камнями (náttúru-steinar). (См. краткое примечание ко второй истории "О мастере Перусе...")

"есть люди, которые верят, что камни, стоящие вдоль дороги, были когда-то великанами"

Приложения

ДРЕВНИЕ ЗАКОНЫ НОРВЕГИИ / NORGES GAMLE LOVE /

XI-XII вв.

Церковные законы Гула-тинга /Gula-things-loeg/

Если кто-то занимается колдовством (troell-domr)

Поскольку все люди обязаны придерживаться той веры, которую мы Богу обещали в крещении нашем, было [так] возложено на конунга и епископа с великим тщанием проследить, чтоб люди не практиковали чрезмерную ересь и языческие верования (heiðinum atgnaði). И следующее относится к ереси и языческим верованиям: заклинания (galdrar) и ворожба (gerningar), и то, если кто-нибудь называет другого ночным оборотнем (troll-ríða), пророчествования (spra-domar), и [когда] верят в духов-покровителей земли (land-vættir), что те де (обитают) в рощах или курганах-могильниках (haugum) или водопадах; также ночные волхования под открытым небом (uti-setor) с целью вопрошать о судьбе, и те, кто отказывается от Бога и святой церкви с тем, чтобы отыскивать сокровища в курганах-могильниках или [же] другими способами богатыми или мудрыми становиться; также те, кто пытаются немертвых (drauga)⁹³ пробуждать (vekja upp) или обитателей курганов-могильников (haug-bua).

Если некто обвинён и изобличён в том, что он практикует эти дурные верования и языческую ересь, или потакает тем, кто подобным занимается — объявляется он тогда вне закона и всё имущество его, также, принадлежит — половина конунгу, а половина епископу.

Но если говорит человек конунга или управляющий епископа, что некто практикует [вышеперечисленное], и не может законным путём [сие] против него доказать — [пусть] тогда отрицает сие [обвинённый] клятвой двенадцати (tylftar-eiðr), но объявляется он вне закона если окажется не в состоянии это произвести.

⁹³ (вариант:) мёртвых

Краткое примечание.

В этом церковном запрещении упомянуты практически все основные формы германоскандинавской магии, встречающиеся в сагах и тд. Исключение составляют *seiður* (самые его злые формы, вероятно, были запрещены ещё языческими устными законами), *lyf*, *töfrar* и *rúnir*, ссылки на которые можно обнаружить в других пунктах тех же законов.

tröll-dómur — буквально "тролльское состояние, быть в шкуре тролля", т.е. "колдовство". Здесь термин "тролль" использован не в наиболее древнем значении "великан-людоед", но в позднесредневековом континентальном "демон; ворожей, ведьма и тд."

galdrar — мн. число от *galdur*. Первоначальное значение "заклинание заговор; песнь" от глагола *gala* "петь". Позже, этим термином стали обозначать "магию" вообще.

gerningar (вариант — **gjörningar**) — буквально "колдовские деяния", от глагола **gera** (**gjöra**) "делать, совершать". (Ср. др.-русское потворы "чары" и тд. от глагола творить, т.е. "делать".)

troll-riða — буквально "всадник-тролль". (См. **tröll-dómur**) Синоним термина **kveld-riða** "вечерняя наездница". Оба этих слова значат "тот, кто (ночами) ездит на людях." Другие древненорвежские законы гласят:

"И это третье. Если мужчин или женщин обвиняют в том, что они (суть тролли)... или ездят на людях, или домашнем скоте, и изобличены они в том..."

"О женщинах-троллях:

А если обвиняют женщину в том, что она ездит на мужчине, или жене его, или обоих, и если она изобличена в том — тогда приговаривается она к штрафу в три марки..."

"Если то вменяется в вину женщине, что она ездит на мужчине, или на слугах его, и если изобличена она в этом — тогда приговаривается она к штрафу в три марки..."

Речь здесь конечно идёт о том широкоизвестном колдовском способе передвиженья ночью, который хорошо знаком русским читателям по рассказу Н.В.Гоголя "Вий", роману М.А.Булгакова "Мастер и Маргарита" и пр.

Считалось, что в основном этот вид колдовства практикуют женщины. Вражда нескольких исландских кланов описанная в "Саге о людях с Песчаного Берега", возникла именно из-за раздора по-поводу появления на востоке Исландии "наездницы-тролля":

"Гюннлауг сын Торбьёрна Толстого был большой охотник до знаний. Он часто гостил в местечке Мава-хлид (Склон Чаек), где постигал таинства ведовства (*kunnátta*) у Гейррида, дочери Торольва, ибо она была многознающей (*marg-kunnigur*) ...Как-то днём, в первой половине зимы, отправился Гюннлауг Торбьёрнов сын в Мава-хлид... Гейррид и Гюннлауг долго беседовали тогда в течении всего дня. И когда стало смеркаться Гейррид молвила:

— Я не хочу, чтоб сегодня ты отправлялся домой потому, как много сейчас снаружи (*mar-líðendur*) "скользящих над морем". Вдобавок, часто таятся ведьмы (*flað*) за прекрасным обличьем. Мне чудится, что сегодня удача не на твоей стороне.

Гюннлауг ответил:

— Не выйдет мне никакого вреда, — говорит он... (И затем отправился в путь...)

...В тот вечер он так и не объявился домой. Говорили о том, что надо бы выйти на его поиски, да ничего так в итоге и не предприняли. Ночью, когда Торбьёрн Толстый выглянул из дому, обнаружил он своего сына Гюннлауга пред дверьми — лежал тот там и был безумен. Тогда занесли его внутрь и стянули с него одежды. Оказалось, что он весь покрыт синяками и залит кровью в области плеч, и плоть в том месте сорвана с костей. Так и пролежал он всю зиму израненный, а люди много толковали о его недуге. Одд Катлов сын утверждал, что Гейррид "ездила" на нём... и большинство местных жителей полагало, что так оно и было на самом деле.

Весной, в день вызова в суды, поскакал Торбьёрн Толстый в Мава-хлид и вызвал Гейррид на тяжбу, обвинив её в том, что она суть "вечерняя наездница" (kveld-riða) и причинила вред Гюннлаугу..."

"Сага о людях с Песчаного Берега", гл-вы 15-16

Касательно "механики" полёта наездницы-тролля. Врядли древние скандинавы верили в возможность настоящего физического полёта ведьмы на человеке по воздуху. Возможно, ключ к этой идее следует искать в "окультурном" германо-скандинавском образе человека, который состоял по их мнению из девяти основных частей (т.е. тело, душа, тень, воплощенная мысль-желание, родовая удача передаваемая по наследству и пр.)

spá-dómur — "пророчество, прорицание". Спектр значений этого слова в древнескандинавском языке довольно велик — от языческих прорицательниц "вёльв" (völva), которые ворожат при помощи рун и песен, призывающих духов, до библейских пророков ("от Бога"). (Сравни древнеисландское название знаменитейшей песни из сборника "Старшая Эдда" völu-SPA — т.е. прорицание вёльвы.)

land-vættur — т.е. "дух земли". В основном, к их определению данному в этом церковном законе можно лишь добавить, что обычно в скандинавской традиции land-vættur — это дух-покровитель того или иного места, который может принимать любой облик и обладает силой изгонять из своих земель неугодных ему смертных.

К land-vættir(ам) часто обращались за помощью, или же принуждали их к исполнению своей воли магическими способами. Эгиль Скалагримссон из "Саги об Эгиле" заставляет неких духов земли изгнать из Норвегии тамошнего конунга-тирана. Делает он это при помощи так называемого "шеста ненависти" (**níð-stöng**) или "скальдического жердя" (**skáld-stöng**). (См. упоминание подобной практики в "Саге о людях из Озёрной Долины" и "Датской истории Саксона Грамматика".) Между прочим, в старонорвежских церковных законах существует запрет и на сей счёт:

"И если человек изоблечён в том, что он возводит "дом" и называет его **hörgur** (т.е. "алтарь" из камней под открытым небом), или воздвигает жердь и называет его скальдическим жердем (**skáld-stöng**) ...тогда лишается он всего своего имущества до последнего пенинга."

úti-setor — мн. число от **úti-seta** (буквально "сидеть снаружи вне дома") был одним из способов гадания о будущем в германо-скандинавской среде:

"Люди говорят, что Гюннхильд, приёмная мать конунга Хакона, совершила магические ритуалы (úti-seta) ради победы Хакона, и что полученный ею ответ велел им воевать с конунгом Инги (соперником Хакона) ночью, но ни в коем случае не днём, и тогда удача будет на их стороне. Считают, что Тордис Сеггья была той женщиной, которая "сидела ночью под открытым небом" исполняя úti-setor."

"История Хакона Широкоплечего", гл. 16, ("Круг Земной"), с перевода на
англ. Э.Монсена, А.Х.Смита / П. ДуЧайллу

В тринадцатом веке англичанин Лайамон даёт описание úti-seta в своей версии одного эпизода из истории короля Артура. Речь там идёт о том, как узурпатор Вортигерн вознамерился построить себе замок, но, увы, как ни старались его каменщики, всё то, что они возводили за день, к следующему утру неизменно исчезало под землёй. Посему, Вортигерн призвал к себе на помощь (англосаксонских?) магов с тем, чтоб они выяснили при помощи гадания и ворожбы причину, по которой стены замка не могут простоять на земле даже одного дня. Лайамон (будучи сам англосаксом) не упускает возможности дополнить старую латинскую версию новыми (очевидно хорошо известными в его времена) подробностями германского úti-seta. Таким образом, "лайамоновские" ворожеи разбиваются на две группы — одна группа отправляется в лес, вершить свои ритуалы под покровом ночи, другие же — идут после заката на перекрёсток и тд. (Подробнее см. "Лайамонов Брут".)

В Исландии úti-seta совершались на перекрёстках в горах, а одна древненорвежская сага упоминает кладбище, как место для занятий подобной практикой. Очевидно, что в этом случае имеется в виду самая чёрная форма úti-seta!

Также, в исландской поэтической "риме" пятнадцатого столетия "Балладе о Скиди" мы находим следующие строки:

Видят они на морском берегу человека,
слышал я его Ольмодем звать,
úti-seta исполнял он,
и намеревался этим, для себя, пророчеств (spá-dómur) сыскать.

Вероятно, опираясь на вышеперечисленные, и ещё несколько других источников, можно предположить, что гадание при помощи úti-seta подразделялось на чёрное и белое.

Чёрное — это принуждение злых духов к открытию будущего на перекрёстке, или вызов умерших или демонов, с той же целью, на кладбище. В "Саге о Вёльсунгах" (гл. 21) мудрая дева-воительница предостерегает:

"Если ты идёшь по дороге там, где обитают злые духи — будь осторожен! Не устраивайся на ночлег у дороги, даже если тебя застигла там ночь, ибо часто злые существа живут в том месте, где люди сбиваются с пути!" (вариант: "злые существа, которые сбивают людей с пути")

с перевода на английский М.Шлаух / Э.Магнуссон, В.Моррис

В "пост-эддической" поэме "Заклинание Гроа" говорится об этой же опасности, только там источник её.

Быть может, при исполнении úti-seta в лесу искали помощи лесных духов? В исландской традиции, белая форма úti-seta связана с общением с Сокрытым Народом (эльфами). (См. об этом подробнее "Маленький трактат о том, как должно искать и находить пути общения с ныне Сокрытым Народом, а то есть с эльфами".)

vekja drauga upp — буквально "пробуждать (поднимать) "немёртвых" (позднее — умерших)". Имеется в виду обычная некромантия. Предводитель асов, Один, таким способом закликает-пробуждает мёртвых пророчиц вёльв в "Прорицаниях вёльвы" (Völur-spa) и "Песне о Вегтаме" (другое её название — "Сны Бальдра").

draugur — см. краткое примечание к рассказу "Гейрмунд Кожа-как-у-Хель".

haug-búi — "обитатель жертвенного кургана". Знатных людей (или великих викингов) хоронили сидя, в искусственно насыпанных холмах (или даже засыпали землёй в целых викингских судах), в окружении груд сокровищ, туш животных и тд. Многие саги повествуют о том, как герои вламывались в эти курганы, и после страшной борьбы с их обитателями (**haug-búar**), отнимали у них разные ценности (в-основном прославленные мечи). (См. "Сагу о Греттире", гл. XVIII, "Сагу об Эгиле Одноруком и Асмунде Губителе Берсерков", гл. 6, "Сагу о Хёрде и островитянах", гл-вы XIV-XV.)

tylftar-eiður — так называемая "клятва двенадцати". "По древненорвежским законам, обвиняемый мог быть оправдан совместной клятвой, принося которую, он клялся сам, и вместе с ним ещё определённое количество других людей. Они назывались "помощниками по клятве". Таким образом, клятвы различались по числу помощников. В случае тяжкого преступления (предательство и тд.) их должно было быть двенадцать — отсюда tylftar-eiður "клятва двенадцати". И это было самое большое (из предусмотренных законом) число "со-клянувшихся"."

(Г. Вигвуссон "Исландско-английский словарь", стр. 117)

Tylftar-eiður имела две разновидности, а именно, не очень строгую клятву, вместе с так называемыми fanga-vitni, когда обвиняемая сторона могла сама выбирать себе своих "помощников по клятве", и более суровую, с nefndar-vitni, когда каждая из сторон выбирала по шесть человек ... не родственников и не врагов. Из этих двенадцати, обвиняемая сторона должна была выбрать двух, и добавить к ним двух своих ближайших родичей и, таким образом, их в итоге становилось пятеро. Остальные семь fanga-vitni были из числа сторонних наблюдателей, которые не имели прямого касательства к делу. (И только свободные люди —

"бонды" подходили для сей цели.) Если кто-то один из этих двенадцати отказывался приносить клятву в невинности обвиняемого — дело считалось проигранным."

(См. П. Б. ДуЧайллу "Викингский век", т. I, стр. 558)

Некоторые интересные подробности добавляет средневековый исландский закон о преследовании людей, совершающих языческие обряды из сборника законов "Серый Гусь". Приведём здесь его текст с краткими комментариями:

О языческом поклонении (blot-skapr⁹⁴)

1) Люди будут верить в единого Бога и не будут приносить жертвы языческим духам (heidnar vaettir⁹⁵).

2) В том же случае человек приносит жертвы языческим духам, если он посвящает (signa) свой скот не Богу или его угодникам, но другим. Если человек приносит жертвы языческим духам — наказуется это малым изгнанием.

3) Если человек занимается заклинательной магией (galdrar⁹⁶) или ведовством (fjölkyngi⁹⁷) и творит магию сам или же позволяет творить для себя или своего скота, наказанием ему будет слу жить малое изгнание; и будет он для провозглашения этого обвинения вызван (на суд) из дома и судим судом двенадцати.

4) Если человек занимается злым колдовством (fordæpu-skapr), наказуется это полным изгнанием. И это злое колдовство, если человек вызывает сво ими словами или ведовством болезнь или же гибель скота или людей. Сие будет судиться судом двенадцати.

5) Люди не будут промышлять (волшебными) камнями или заклинать (magna) их для того, чтоб вешать на себя или на других людей или же скот. Если человек верит в то, что такие камни полезны для здоровья людей или скота — наказуется это малым изгнанием.

6) Человек не будет владеть скотом нерождённым (fé úborit). Если у человека есть скот нерождённый и он скрывает то, что он верит скорее в силу такого, чем другого скота, или же потакает он суевериям (hindr-vitni⁹⁸) любого рода как оговорено — наказуется это малым изгнанием.

7) Если человек впадает в ярость берсерка (ganga berserks-gang), также наказуется это малым изгнанием. И также наказуются те мужи, которые в то время рядом с ним находились, если они не помешали ему при этом. Но никто из них не будет наказан, если они смогли помешать ему. Если же он опять ярится — также наказуется это малым изгнанием, хотя бы его и остановили.

Примечания:

«Промышлять (волшебными) камнями» — здесь имеются в виду, скорее всего, традиционные "нашейные" амулеты, которые назывались lyf-steinar (см., напр., "Сагу о Кормаке": Kormáks saga), или же амулеты, вделанные в рукоятки мечей (см. "Сагу о людях из Лаксдаля" и т.д.), но не "камни жизни" (Jif-steinar) работающие по принципу иголки из яйца Кошца Бессмертного.

Magna — "заклинать", т.е. придавать или увеличивать чудесную силу. Имеется в виду определённый чародейский процесс, когда посредством различных обрядов или ритуалов с закливаемой вещью делились своей собственной магической мощью (ср. сила чародея), либо же силой, собранной с других предметов (ср. сила земли, луны и т.д.). Существа и предметы, обладающие большей силой, чем другие, назывались magnat, aukin (др.-англ. eacen), т.е.

⁹⁴ От biota, "приносить языческие жертвы" (ср. др.-англ. bletsian; тожд. совр. англ. Bless).

⁹⁵ Под этим термином подразумевались как асы-небожители, духи земли, дисы или эльфы, так и обоготворенные предки, великаны или священные животные. В подобном контексте этот термин встречается, например, в "Саге о Ньяле".

⁹⁶ Мн.ч. от galdr — "заклинание"; позже — "чародейство" вообще.

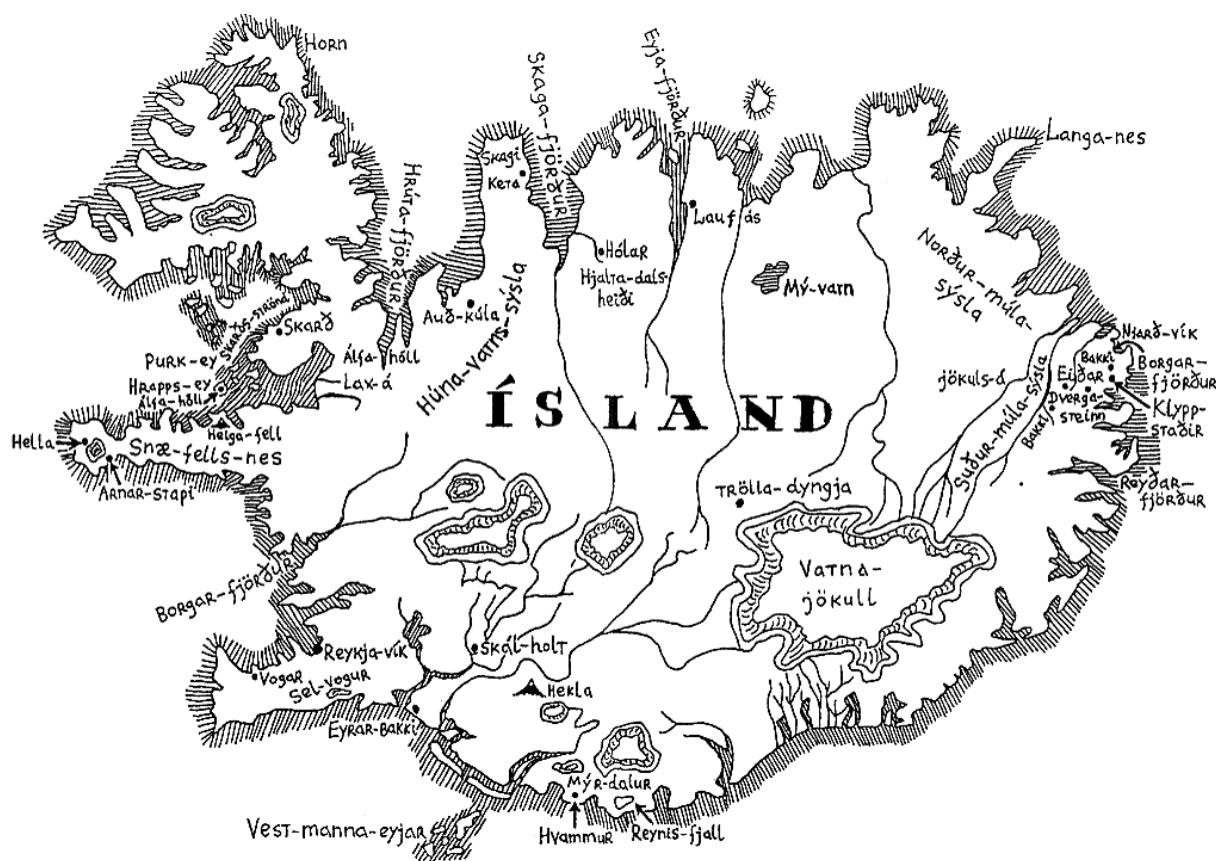
⁹⁷ Букв. — "многознание".

⁹⁸ Букв. — "предотвращающее/задерживающее знание".

буквально, "увеличенными". Этот термин приложим как к могучим воинам, конунгам или чародеям, так и к драконам, к их сокровищам, к священным животным, "усиленным" жертвоприношениями и почитанием и т.д. В древнеанглийском языке беременная женщина называлась easesp, "увеличенная [ребёнком]"; easung обозначало "благой прирост, богатство, удачу". В исландской литературе Один залял (magnat) отрубленную голову Мимира, т.е., дословно, — совершил над ней "увеличение силы", и она стала говорить (см. "Сагу об Инглингах"). А колдунья Турид заляла (magnat), т.е. "увеличила силу" корня, принесшего гибель Греттиру Сильному.

Fé úborit, "скот нерождённый" Имеются в виду вырезанные из утробы до рождения ягнята или телята (ср. происхождение материала каракульча) или они же, полученные в результате кесарева сечения. Кожа нерождённого скота упоминается в исландском чародейском лечебнике XV века как материал для нанесения на него магических знаков (гальдрос-тавов). Термин úborinn в качестве прозвища применялся и к людям, появившимся на свет при помощи кесарева сечения, ибо им также приписывали особую силу.

Карта Исландии с указателем мест, упомянутых в рассказах

Запад Исландии:

Ущелье Skarð "Скард"; на побережье Skarðs-strönd "Скардс-стронд" расположен глубокий источник Andar-kelda "Андар-кельда";

скала Drangur "Дранг" между Skarð "Скард" и Grafir "Графир"; Illþurkudys "Иллтуркудис" в Skard "Скард'е"; ущелье Harisar-gil "Харисар-гиль" рядом с Illviti "Иллвити" между Barmr "Барм" и долиной Hvarfs-dalur "Хварс-даль". Purk-ey Остров "Пюрк-эй"; Helga-fell в области Helga-felh-sveit "Хельга-фелль-свэйт" — там находится хутор Botn "Боти".

Остров Hrapps-ey, на нём находится Álfa-hóll "Эльфо-холм", т.е. холм, где живут эльфы. Arnar-stapi (Stapi) "Арнар-стапи"; ущелье Púmpa "Пумпа"; Hella "Хелла".

Hruni "Хруни"; Borgar-fjörður "Боргар-фьорд"; Vogar, Vogs-óss "Вогр-ос", область Sel-vogur "Сельвор".

Горный кряж Tungur "Тунгур" или Hreppar "Хреппар".

Север Исландии:

Фьорд Hríta-fjörður, там в Hríta-fjardh ar-háls расположен Álfa-hóll "Эльфо-холм", т.е. холм, где живут эльфы.

Auð-kúla "Ёдкула"; Skord "Скёрд" между Skaga-fjörður "Скага-фьордом" и Húna-vatns-sýsla округом "Хуна-вати", там находится Sel-hólar "Сел-холар" на берегу Djúpa-tjörn "Дьюпатьорн'ф".

Hvammur "Хвамм"; хутор Keta "Кета" в области Skagi "Скаги", там расположен Gríms-borg "Скалистый Замок Грима"; Ketu-bjorg "Кета-скалы"; *Laх-а ?, Gríms-borg "Скалистый Замок Грима" в долине Laх-ár-dalur "Лакс-ар-даль", Hafra-gil "Хавра-гиль".

Holar — кафедральный собор епископа северной епархии Исландии "Холар"; Stóra-núpur "Большой пик"; Lauf-ás "Лофас"; пустошь Hjalta-dais-heidi "Хьялта-дальс-хейди"; Eyja-fjörður Эйа-фьорд.

Восток Исландии:

Njardrvík "Ньёрдов Залив"; *(Nordur)-Múla-sýsla, (Suður)-Múla-sýsla область "Мюли"; Beru-nes — мыс "Беру-нес" в Reyðar-fjörður "Рейда-фьорде", там расположен Imu-botnar "Имыдол".

Klypp-staðir "Клипстадир"; Breida-vad "Брэйда-форд"; Eiðar округ "Эйдар".

Dvergasteinn — большой камень, внутри которого живёт карлик-дверг.

Klypp-staðir "Клипстадир"; Jökuls-á река Йокулс-а в окрестностях Borgarfjörður "Борга-фьорда", там располагается Jökuls-argætt "Хутор-на-Йокулс-а"; местечко Bakki(?) "Бакки".

Trölladyngja гора "Беседка (Терем) женщины-тролля".

Юг Исландии:

Eyfirsk "Эй-фьорд"; Eyrafjörður "Эйраф-бакки".

Skálholt — кафедральный собор епископа южной епархии Исландии "Скальхольт".

Mýrdalur "Долина Мир-даль"; Hvammur хутор "Хвамм" или Hvammasvæði "Хутор(а)-на-Хвамме"; Hvamms-gil "Хваммова Балка"; Götur — два хутора "Гётур"; Gatna-brú "Гётова Бровь"; Reynis-fjall "Рейнис-скгль".

Краткая библиография

Издания первоисточников:

Jon Arnason, Islenskar Pjodsogur og Aefintyri, несколько изданий.

Hugo Gering (Jon Halldorsson), Islmdzk AEventyri, I-II, Halle, 1882-1883.

Fommanna Sogur, I-XII bd, K-havn, 1825-1837.

R. Keyser, P.A. Munch, Norges Gamle love indtil 1387, I-V Bind, Christiania, 1846-1895.

Исследования и переводы:

Konrad Maurer, Islandische Volkssagen der Gegenwart, Leipzig, 1860.

Benedikt S. Grondal, Folketro i Norden, med saerligt Hensyn til Island, Kjobenhavn, 1863.

G. E.J. Powell, E. Magnusson, Icelandic Legends, London, 1864-1866.

W. A. Craigie, Scandinavian folklore, London, 1896. J. Simpson, Icelandic folktales & legends, Berkeley, Los Angeles, London, 1972.

A. Boucher, Elves, trolls & elemental beings, Icelandic folktales II, 1977.

Источники текстов, использованных в данной книге:

Jon Arnason, Islenskar Pjodsogur og Aefintyri. -

Горное озеро эльфов

Поздний визит эльфы

Юная эльфа по имени Има

Внеурочный переезд эльфов

Случай с женщиной с Брэйда-Форда

История о бедной девушке и сокрытом народе
Скалистый замок Грима
Сонные чары Льювлинга
О Хельге, мужицкой дочке
Чаро-Лейфи
Визит в холм
Гейрмунд Верзила и эльф
Гвюдбьярт Лохматый и холарский епископ
Гейрмунд Кожа-как-у-Хель

Hugo Gering (Jon Halldorsson), *Islendzk /Eventyri*, I-II, Halle, 1882-1883. -

О мастере Перусе и его проделках (1-3) Об одном князе Fornmanna Sogur, I-XII bd, K-havn, 1825-1837. -

Сага о Торстейне Погибели Хуторов

R. Keyser, P.A. Munch, *Norges Gamle Love indtil 1387*, I-V Bind, Christiania, 1846-1895. -

Сага о Иоуне Сильном (фрагмент)

Древненорвежские законы о колдовстве

В оформлении шмуц-титолов использованы рисунки из издания:

Olaus Magnus. *Historia de Gientibus Septentrionalibus*. (History of the Northern People, 1555.)